

ВСТУПЛЕНИЕ

Четвёртый номер «Топонимического альманаха» открывает вторая часть начатого в предыдущем выпуске фундаментального исследования Г. Г. Мартынова и Е. П. Сизёнова, посвящённого топонимике реки Мги, её притоков и окрестных деревень.

Статья историка С. В. Столяровой представляет собой интереснейшее исследование того, какой заметный и многообразный след оставили в культуре Северо-Восточной Руси, казалось бы, исчезнувшие без следа финно-угорские племена, и в первую очередь народ меря.

Также мы публикуем совместную работу нашего постоянного автора А. Д. Ерофеева и А. С. Зонина, подготовивших статью о ленинградских подводниках, героях Великой Отечественной войны, чьи имена увековечены в топонимии нашего города. В ней использованы материалы из семейного архива Зониных, поскольку писатель-маринист А. И. Зонин участвовал в легендарном походе субмарины «Л-3» и был хорошо знаком не только с героями-подводниками П. Д. Грищенко и В. К. Коноваловым, но и с другими персонажами статьи.

Новгородский филолог Т. В. Шмелёва посвятила свою новую статью именам героев войны на карте Великого Новгорода и тому, какие неожиданные пертурбации претерпевали эти топонимы со сменой эпох.

Журналист Д. С. Ратников изучил топонимию садоводств, оказавшихся ныне в черте Санкт-Петербурга, и пришёл к выводу, что нельзя полностью отдавать присвоение имён улицам в садоводствах в руки жителей этих улиц.

В рубрике «Книжный компас» мы печатаем рецензию на фундаментальный труд А. Е. Ухналёва, посвящённый трёхвековой истории Летнего дворца и Летнего сада.

В этом выпуске Топонимического альманаха мы открываем две новых рубрики. В первой из них — *In memoriam* — заведующая библиотекой имени Фёдора Абрамова Л. А. Волосенко делится с читателями альманаха тем, как бережно сохраняется в нашем городе память о выдающемся ленинградском писателе, а Е. Б. Белодубровский, писатель, библиограф и краевед, вспоминает об историке и краеведе Н. П. Анфицерове, в честь которого недавно была названа улица в Пушкине.

Вторая рубрика — «Архив топонимиста» — будет содержать интересные фрагменты старых газет и других печатных изданий. Материалы этого номера, подобранные Г. Г. Мартыновым, посвящены застройке Дачного, происходившей в 1960–1970-х гг.

ВДОЛЬ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ МГИ

Мы продолжаем начатое в предыдущем номере путешествие по реке Мге, прерванное у деревни Петрово. Ниже её Мга приобретает преимущественно западное направление. Известняковая гряда делает реку мельче, течение — быстрее. Крутыми и высокими обрывистыми берегами Мга напоминает здесь едва ли не горную реку.

Примерно в пяти километрах от деревни Петрово — две больших деревни друг напротив друга: *Лезье* на левом берегу, при впадении во Мгу речки *Малой Мельницы*, и Сологубовка — на правом.

В средневековье на месте Лезья находился административный центр Никольского Ярвосольского погоста — *деревня на Ярвосоли у погоста*¹, на котором стояла церковь Святого Николая. Правда, на карте в книге К. А. Неволлина «О пятинах и погостах новгородских в XVI веке» (СПб., 1853) Ярвосоль обозначена на правом берегу.

В период шведского владения Ингерманландией погост входил в состав Нотеборгского лена и носил название *Jaroselschi* (в Писцовой книге 1634 г.), *Jerosellschoy* (в Писцовой книге 1654 г.); на карте П. Вассандера 1699 г., начерченной с оригинала начала XVII века — *Jervisari*, а на карте А. И. Бергенгейма 1676 (1827) г. — *järvisaari*.

По-фински järvi — озеро, saari — остров. Таким образом, название деревни можно было бы перевести как «остров среди воды», если не знать, что сформировалось оно по созвучию.

Разорённое в Смутное время сельцо *Лезья* «погоста Ярвосольского» упоминается в 1612 г.: «...сельцо *Лезья* выжжено, а в нём храм Никола Чюдотворец стоит без пения... А пашни в том сельце нет, лежит перелогом»², — то есть залежь.

В начале XVIII века эта местность в 120 верстах от Новгорода (по Ореховской дороге) и в 60 верстах от Санкт-Петербурга досталась Алексею Волкову, секретарю светлейшего князя А. Д. Меншикова. По названию выстроенной здесь деревянной церкви Успения Божией Матери она стала называться *мызой Успенской*³. Отмечена на карте Ингерманландии И. К. Кирилова 1727 г. (и на ней же — деревня *Лезья*, обозначенная на некотором удалении от реки), на карте Ингерманландии и Карелии 1735 г. и на карте Ладожского озера и Финского залива с прилегающими местами 1745 г., когда принадлежала уже Полубояриновым. В 1757 г. имение отошло в казну⁴.

На карте Санкт-Петербургской губернии Я. Ф. Шмита 1770 г. две деревни *Лезья*: одна — на правом берегу, примерно на месте Сологубовки, другая —

¹ Переписная окладная книга Вотской пятины 1500 года. СПб., 1851. С. 442.

² Дозорная книга Водской пятины (Корельской половины) 1612 года. С. 63 (хранится в Государственном архиве в Стокгольме; микрофильм в Санкт-Петербургском институте истории РАН).

³ mga.lenobl.ru/mo.

⁴ Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Южное Приладожье. Кировский и Волховский районы. СПб., 2009. С. 98.

на левом, на некотором удалении от Мги, близ деревни *Иванова* (современное Иваново).

На карте Санкт-Петербургской губернии прапорщика Н. Соколова 1792 г. также два поселения: на левом берегу — *Лезье*, на правом — *мыза Лезинская* с подписью: «ныне село *Успенское*»⁵. На последующих картах деревня Лезья находится на левом берегу, на правом — село Успенское.

В «Сведениях о Санкт-Петербургской епархии» (1884–1885) есть объяснение названия села: местность здесь холмистая, «одна из гор, названная «*Божья гора*», имеет вид громадного конуса. Название села объясняют тем, что здесь местность довольно высока и на неё нужно всходить или лезть»⁶. Таково же и современное мнение: «На вопрос, что означает название деревни, от одной из местных жительниц был получен ответ, который можно считать вполне удовлетворительным: «Вы же видите гору. А на гору надо лезть!»»⁷.

На картах Санкт-Петербургской губернии Ф. Ф. Шуберта 1834–1855 гг. немного севернее Успенского нанесена деревня *Салагубовка*. Кроме того, на карте 1855 г. рядом с Успенским подписано «*Плит<ная> ломка*», что прямо указывает на соответствующие разработки.

На карте 1834 г. рядом с Успенским подпись: «*Михаила Михайловича Кусовникова* — одного из сыновей купца и надворного советника Михаила Алексеевича Кусовникова, в 1813 г. купившего для своих сыновей несколько имений,

в т. ч. и Лезьенскую мызу «с *деревнями и 950 душами крепостных мужского пола*»⁸.

Продали её наследники генерал-адъютанта последнего польского короля Станислава Августа, польского магната Яна Соллогуба (1742–1812), приехавшего в 1780 г. ко двору Екатерины II. В России он стал графом Иваном Антоновичем, женился на фрейлине императрицы Наталье Львовне Нарышкиной, получил в подарок обширное имение в Шлиссельбургском уезде, куда переселил своих крестьян из Польши и Литвы. В 1786 г. на правом берегу Мги он построил деревянную церковь во имя Успения Божией Матери. Писатель Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882), автор знаменитой повести «Тарантас» — его внук.

Усадьбу в имении Лезья И. А. Соллогуб выстроил в дугообразной излучине реки Мги, у села Успенского. Следующие владельцы, Кусовниковы, устроили здесь, несколько выше по течению, суконную фабрику и лесопильный завод, где принадлежавшие им местные крестьяне обрабатывали барщину. Их жалобы на чрезмерную её продолжительность часто беспокоили начальство, а с конца 1825 до лета 1826 г. в этих местах шли крестьянские волнения.

В 1837 г. Лезье и Успенское (Сологубовка) в числе многих других окрестных деревень перешли к княгине Т. В. Юсуповой. Её сын Б. Н. Юсупов, по утверждению графа М. А. Корфа, имевший «*разные причудливые странности*

⁵ www.etomesto.ru/map-peterburg_1792/?find=1&z=1&x=31.107258&y=59.686775.

⁶ Цит. по: www.countrysite.spb.ru/ISS/Shliss.htm#6.

⁷ Рысев С. Е. От Лезьи до Оккервиля: «Ярлыки» одной реки // Новый топонимический журнал. 2014. № 1. С. 64.

⁸ Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Указ. соч. С. 99–100.

и репутацию *ограниченного ума*», переименовал Успенское в *Благовещенское* и задумал построить новый каменный храм с соответствующим посвящением. Место для него он выбрал на Божьей горе в Лезье.

После смерти Б. Н. Юсупова в 1849 г. расходы по строительству церкви взял на себя его бывший крестьянин, ставший управляющим имением, петербургский купец Егор Павлов: *«как из уважения к памяти покойного князя Юсупова, своего благодетеля, так и по усердию к церкви села Лезья как его родины»*⁹.

Церковь по проекту архитектора В. Е. Моргана возвели в 1849–1852 гг. и освятили во имя Успения Божьей Матери. Во имя Благовещения был освящён правый придел, левый — во имя Св. Георгия. Пришедшая в ветхость деревянная Успенская церковь на правом берегу была разобрана в 1850 г.

В 1880–1881 гг. новый каменный храм расширили, к нему добавили колокольню. В приход входили деревни Сологубовка, Петрово, Погорелушка, Пухолово, Турышкино и другие.

Факт переименования Успенского в Благовещенское не отражён ни на одной из известных карт 1840–1850-х гг.

В 1838 г. деревня приведена с названием *Лезия*¹⁰; в 1856 и 1862 гг. — *Лезья*¹¹.

План деревни Лезья на карте 1913 года

На дореволюционных картах вариативность *Лезья* — *Лезье* сохраняется.

Село Успенское в 1838 г. имеет примечание: *Сологубовка тож*¹². Двойное наименование *Успенское (Сологубовка)* сохраняется в 1856 и 1862 гг.¹³ Причём в последнем случае она уже значит не село, а деревней. На большинстве же карт второй половины XIX века деревня подписана только по одному из названий: на карте И. А. Стрельбицкого 1871 г. и некоторых других — *Сологубовка*, но на карте Санкт-Петербургской губернии в атласе Ильина того же года — *Успенское*¹⁴.

После реформы 1861 г. Лезье и Сологубовка относились к Лезьинской волости Шлиссельбургского уезда¹⁵. В 1924 г. Лезье, получившее статус села, стало административным центром Лезьенского

⁹ www.itaka.spb.ru/mga-blagoveshchenskoev.

¹⁰ Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. Спб., 1838 (далее: Описание 1838 г.). С. 76.

¹¹ Алфавитный список по уездам и станам С.-Петербургской губернии, составленный при Губернском статистическом комитете. Спб., 1856 (далее: Список 1856 г.). С. 10; Санктпетербургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1862 г. Спб., 1864 (далее: Список 1862 г.). С. 190.

¹² Описание 1838 г. С. 76.

¹³ Список 1856 г. С. 12; Список 1862 г. С. 190.

¹⁴ www.etomesto.ru/map-peterburg_1871ilyin/?z=1&x=31.155241716152&y=59.690527358829.

¹⁵ Волости и важнейшие селения европейской России. Вып. VII. Губернии приозерной группы. Спб., 1885. С. 92.

сельсовета Мгинского района, в который вошла и деревня Сологубовка. Железнодорожная станция с посёлком при ней в четырёх километрах от деревни, на Мологско-Рыбинской линии, была открыта, как уже указано выше, в 1921 г.¹⁶ По данным на 1936 г. Сологубовка стала селом¹⁷.

В 1930-х гг. Успенскую церковь закрыли, помещение использовали под клуб, склад. Последнего настоятеля храма протоиерея Александра Вишнякова расстреляли 8 ноября 1937 г. Во время войны в здании церкви находились немецкая почта и солдатский госпиталь (точнее, отделение для умирающих). При этом в одном из приделов местной православной общине было разрешено совершать богослужения. С 26 марта по 1 апреля 1943 г. немцы сняли купола храма, поскольку по ним после прорыва блокады Ленинграда советские артиллеристы осуществляли корректировку целей в районе ж.-д. станции Мга¹⁸. После освобождения церковь снова использовалась под склад, пока окончательно не обратилась в руины.

После Великой Отечественной войны статус обоих населённых пунктов вновь был понижен до деревень, а центром Лезьенского сельсовета стала Сологубовка. В результате административной реформы 2007 г. Лезье и Со-

Памятник на Немецком воинском кладбище. Воинское захоронение в деревне Сологубовка

логубовка вошли в состав Мгинского городского поселения¹⁹.

Восстановление храма началось после того, как с 1994 г. рядом с ним на средства Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями началось строительство крупнейшего в мире немецкого сборного кладбища погибших в годы Второй мировой войны. С 1996 г. здесь нашли своё последнее упокоение более 45 тысяч солдат и офицеров из разных захоронений Ленинградской области, а всемо на кладбище предполагается захоронить около 80 тысяч павших немецких военнослужащих. Это место поминовения погибших и предостережения живым²⁰.

Воссозданная Успенская церковь — Храм примирения — была освящена 20 сентября 2003 г. В её подвальных

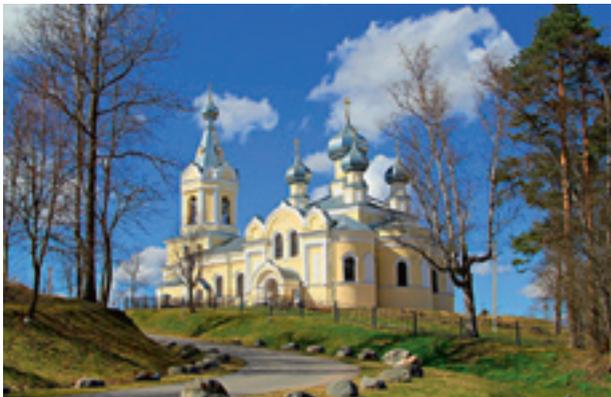
¹⁶ См. сноску 8. Часто встречающаяся в литературе дата открытия станции — 1932 г. (*Архангельский А. С., Архангельский В. А.* Железнодорожные станции СССР: Справочник. Кн. 2. М., 1981. С. 131; *От Выборга до Новгорода: Каталог станций* / Сост. М. М. Рязанцев. Спб., 1998. С. 84 и др.) — ошибочна.

¹⁷ Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области / Сост. Ф. И. Богомолов, П. Е. Комлев. Л., 1936. С. 351.

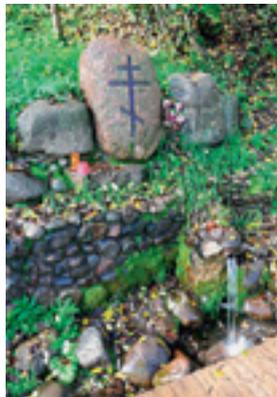
¹⁸ *Глезеров С. Е.* От ненависти к примирению: (Неизвестная война под Ленинградом). Спб., 2006. С. 171.

¹⁹ Административно-территориальное деление Ленинградской области / Сост. В. Г. Кожевников. Спб., 2007. С. 101.

²⁰ Российская Федерация: Немецкие военные захоронения / Народный союз Германии по уходу за воинскими захоронениями. [Кассель, 2011]. С. 21–23.

Успенская церковь в деревне Сологубовка

Святой источник в Лезье

помещения оформили музей и поминальный зал, где можно узнать о судьбах всех немецких военных, погибших в России в 1941–1945 гг.²¹

Рядом с кладбищем создан Парк Мира — мемориальная зона, включающая Аллею скульптур, образцы ландшафтной архитектуры, святой источник у подножия Божьей горы.

Посещение этого места, осенённого огромным крестом, установленным на центральном памятном месте, не может оставить равнодушным.

Приблизительно в пяти километрах от Сологубовки на правом берегу Мги расположен следующий населённый пункт — деревня Пухолово, известная с XVI века. В период шведского владения Ингерманландией название приобрело шведскую, затем финскую форму. На карте А. И. Бергенгейма 1676 (1827) г. она подписана как *Pucschowick*, на шведской карте Ингерманландии 1678 (1704) г. —

как *Puchala*.

На карте Санкт-Петербургской губернии Я. Ф. Шмита 1770 г., картах Н. Соколова и А. М. Вильбрехта 1792 г. и Подробной карте Российской Империи 1816 г.²² она обозначена под названием *Пухолова*.

Современная форма *Пухолово* впервые встречается уже на карте Ф. Ф. Шуберта 1834 г., однако преобладающей на большинстве карт конца XIX века всё же оставалась форма *Пухолова*, к которой произошёл возврат и на более поздних шубертовских картах. В такой форме она зафиксирована в 1838 г.²³, но в 1856 г. обозначена как *Пухолова*²⁴ (из этих же справочников известно, что деревня принадлежала Юсуповым). В 1862 г. название вновь принимает современную форму²⁵ и окончательно закрепляется на картах в начале XX века.

До революции деревня административно относилась к Лезьенской волости

²¹ www.town812.ru/lezie.shtml.

²² www.etomesto.ru/map-atlas_1816_nord/?find=1&z=1&x=31.071836&y=59.734131

²³ Описание 1838 г. С. 76.

²⁴ Список 1856 г. С. 11.

²⁵ Список 1862 г. С. 190.

1-го стана Шлиссельбургского уезда. В довоенное время входила в состав Мгинского сельсовета Мгинского района, в последние десятилетия советской власти — в состав Лезьенского сельсовета Кировского района. После 2007 г. Пухолово находится в Мгинском городском поселении. Сейчас в ней целых пять улиц с характерными названиями: *Новая*, *Огородная*, *Полевая*, *Речная*, *Ручейная*. О происхождении наименования самой деревни версий пока не имеется.

Продвинувшись ещё на пару километров вниз по течению, мы достигаем наконец самого крупного поселения на реке Мге — одноимённого городского посёлка.

Выше уже говорилось о том, что иногда происходит смешение исторической информации о современном посёлке Мга и старинной деревне Муя. Поэтому повторяем: *деревня Мья большой двор на реке на Мье*, упоминаемая в Переписной книге 1500 г., находилась на месте деревни Муя и к посёлку Мга никакого отношения не имеет.

На карте 1676 (1827) г. в этом месте обозначена деревня *Korsiowa*, недалеко от неё, к северо-западу, — *Pogorilla*. На карте 1727 г. здесь поселений нет; ниже (севернее расположения современной деревни Горы), на левом берегу, обозначена деревня *Mga* (это вторая деревня с таким названием на данной карте; первая — современная Муя). Вновь населённый пункт под названием *Mga* появляется на карте А. М. Вильбрехта 1792 г. но уже на правом берегу и значительно ниже по течению реки. Поселений же на месте

современного посёлка Мга на карте не обозначено.

В XIX веке в четырёх километрах от Пухолова, несколько севернее современной Мги, в картографических материалах после продолжительного перерыва появляется деревня *Погорелушка*. Впервые она отмечена на карте Ф. Ф. Шуберта 1834 г. Не имея скольконибудь точных данных об истинном времени её возникновения, отметим, что деревня *Погорелое* на этом месте присутствует уже на карте Ярвосольского Никольского погоста, составленной архимандритом Сергием для атласа Водской пятины (1905 г.)²⁶ по материалам Переписной окладной книги 1500 г.²⁷ На карте Ингерманландии 1704 г. деревня подписана как *Pogorilofva*.

Названия типа *Погорелое*, *Погорелушка*, как правило, свидетельствуют о несчастье, постигшем жителей деревни: очевидно, её отстраивали заново после сокрушительного пожара.

В числе многих деревень этой местности она входила в состав владений княгини Т. В. Юсуповой, потом — её наследников. Хозяева приезжали в свои угодья охотиться на... медведей. На

Деревня Пухолово

²⁶ regionavtica.ru/library/karty_vodskoj_piatiiny.html.

²⁷ Переписная окладная книга Вотской пятины 1500 года. Спб., 1851. С. 449.

месте будущего посёлка Мга стояли только домики егерей, один из которых сохранился и по сей день (сейчас в этом здании по *Комсомольскому проспекту* находится железнодорожная поликлиника).

В 1901 г. началось возведение Череповецкой железнодорожной линии, имевшей целью связать кратчайшим путем Санкт-Петербург с Вяткой²⁸, то есть с главным ходом Транссиба (до этого на него приходилось выходить, совершая большой объезд через Москву). Под строительство была выкуплена часть земель, принадлежавших княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой. Магистраль пересекла реку Мгу, поэтому и станция, построенная рядом с Погорелушкой, получила то же «благозвучное» название — *Мга*. Были построены «казарма, колодезь и переезд, а также расчищенная площадка длиной в 700 сажений под строительство станционных зданий»²⁹.

Кстати, ко времени прокладки железной дороги относится единственное достоверное археологическое свидетельство, связанное с рекой Мгой. В 1904 г. у деревни *Мишкино* (ныне не существующей), в трех километрах к востоку от будущей станции Мга, «был найден комплекс женских украшений, по-видимому, из разрушенного погребения; вторая пол. XIII — нач. XIV в. Повторное обследование в 1904 и 1910 гг. новых находок не дало»³⁰. На самом деле, это вовсе не значит, что течение реки Мги неинтересно в подобном отношении. «Археологических памятников нет только там, где их не

ищут», — говорил известный русский учёный А. С. Спицын³¹.

Первый пассажирский поезд прошёл через Мгу в 1905 г. Тогда же для железнодорожных служащих были построены два одноэтажных жилых дома.

Земли вокруг станции предприимчивые Юсуповы отдали в аренду под строительство дач. Газета «Дачная жизнь» в 1911 г. писала, что близ станции Мга Северной линии «к началу летнего сезона закончено много помещений, вполне пригодных как для летнего, так и для зимнего проживания». Новый посёлок стали называть *Юсуповским*, но развивался он медленно. Среди его жителей преобладали железнодорожные рабочие и служащие, которые размещались в вагонах либо одно- и двухквартирных домиках в восточной части посёлка.

Ещё в 1908 г. Феликс Юсупов обратился за разрешением о строительстве церкви в растущем Юсуповском посёлке, население которого к 1917 г. достигло 200 жителей. В июне того же года каменный храм, возведённый по проекту архитектора А. П. Вайтенса, освятили во имя Св. Николая Чудотворца. В 1918 г. в посёлке открылись семилетняя школа, больница и поликлиника³².

После революции станция Мга и посёлок при ней были приписаны к Пухоловскому сельсовету. Он стал быстро разрастаться, здесь появились общественные здания. В 1927 г. Мга стала центром Мгинского района Ленинградской области, в состав которого вошло 38 сельсоветов.

Деревня Погорелушка входила сначала в состав Пухоловского, с 1927 г. — Горского, а в 1930 г. — Мгинского сельсовета одноимённого района. В деревне размещалось правление колхоза «Красный плуг».

На карте Генштаба РККА 1932 г. Мга подписана как *П<осёлок> Мгинский*. В 1937 г. он получил официальный статус посёлка городского типа. А вот церковь Св. Николая была закрыта ещё в 1935 г., её здание погибло во время Великой Отечественной войны.

В 1938 г. Мгинский райисполком ходатайствовал о переименовании района и станции Мга в Ждановский район и посёлок Жданова в честь руководителя ленинградской партийной организации³³, но безуспешно. Перед войной здесь проживали более 4 700 жителей.

Посёлок и станция Мга были захвачены 20-й моторизованной дивизией генерала Х. Цорна 30 августа 1941 г. — это означало полное прекращение железнодорожного сообщения Ленинграда с остальной страной. По сути, именно тогда и началась блокада. Первая дивизия войск НКВД под командованием полковника С. И. Донскова пыталась выбить отсюда врага вплоть до 6 сентября. За два года Мга была превращена гитлеровцами в мощный узел обороны.

В августе 1943 г. началась Мгинская операция — совместное наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов, целью которого было не дать войскам противника возможности вновь сомкнуть кольцо блокады. Задача была выполнена, но Мга всё же осталась под контролем немцев ещё на несколько месяцев. В этой операции погибли 20 тысяч советских солдат, ещё 50 тысяч получили ранения — огромные потери...

Окончательно освободили Мгу 21 ян-

Церковь в усадьбе З. Н. Юсуповой. Архитектор А. П. Вайтенс. Фото 1913 года. Не сохранилась

варя 1944 г. части 67-й и 8-й армий в ходе операции «Искра». Пятнадцать воинских частей, отличившихся при освобождении посёлка, получили почётное наименование Мгинских.

Во время войны все административные и жилые здания оказались уничтожены, Мгинский парк и все деревья в посёлке — спилены. Многих местных жителей оккупированной территории, не успевших эвакуироваться, депортировали в Германию и Прибалтику — в концлагеря или на принудительные работы. Погорелушка оказалась в числе многих уничтоженных деревень Кировского района, впоследствии так и не возродившихся.

После войны численность населения Мги быстро восстановилась и продолжала постоянно расти; к концу 1970-х гг. она даже превысила 11 тысяч человек. Однако затем число жителей начало постепенно снижаться, хотя и не так значительно. В настоящее время оно составляет примерно 10,3 тысячи человек.

Мгинский район был упразднён в 1960 г., его территория вошла в состав Тосненского района. Мга стала административным центром одноимённого

²⁸ Сейчас город Киров.

²⁹ Башкиров К. С., Штейнбах С. Ю. История и геральдика Земли Ленинградской. 2008. С. 435.

³⁰ Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. СПб., 1995. С. 154–155.

³¹ Цит. по: Голубев Г. Н. Неразгаданные тайны. М., 1960. С. 237.

³² www.ladoga-news.ru/news?id=6164.

³³ Башкиров К. С., Штейнбах С. Ю. Указ. соч. С. 436.

поселкового совета. Затем в 1977 г. Мга была передана в состав Кировского района. С 2006 г. она стала центром муниципального образования «Мгинское городское поселение».

Происхождение названия посёлка очевидно: от станции Мга, получившей название по реке, близ которой она находится. В общем-то, явление распространённое. Тем не менее среди местных жителей и даже в краеведческой литературе весьма популярно «мнение», трактующее это название как аббревиатуру имени Марии Гавриловны Апраксиной. (Большой охотник до подобных легенд Н. А. Синдаловский, перепутав посёлок Мга и деревню Мую, сообщает, что от Марии Григорьевны, сразу же оговариваясь: «личности, впрочем, довольно мифической»³⁴.)

В Мгинском городском поселении и в самом деле есть посёлок и железнодорожная станция Апраксин, появившаяся при открытии Череповецкой линии³⁵.

Вокзал на станции Мга

Считается, что она названа по фамилии этого известного графского рода, которому принадлежала находившаяся здесь усадьба³⁶. Якобы её первым владельцем был сподвижник Петра I Фёдор Михайлович Апраксин. Однако в специальной железнодорожной и краеведческой литературе постоянно упускается из виду, что в 1905 г. здесь появился всего лишь *Разъезд № 3*, именно название которому — *Апраксин* — было присвоено только в 1917 г.

...Приезжайте на место, осмотрите оплывшие остатки каких-то земляных сооружений в урочище *Апраксин Городок*, явно очень старых, поговорите с нынешними местными жителями — сплошь садоводами. Они и расскажут, что это всё, что сохранилось от бывшей здесь когда-то усадьбы Апраксиных!

Таким образом и начинает кочевать подобная доморощенная этимология из публикации в публикацию, без всякой проверки, распространяется и додумывается. Нет чтобы заглянуть в родословную Апраксиных, поискать там подходящую Марию Гавриловну (Григорьевну), уточнить её биографию... Так ведь сразу же выяснится, что эта фигура сродни пресловутому «шведскому офицеру Оккервилю», фантазмагоричное «существование» которого бездумно культивировалось краеведами едва ли не 60 лет!³⁷

³⁴ Синдаловский Н. А. Легенды и мифы пригородов Санкт-Петербурга. СПб., 2001. С. 172.

³⁵ Архангельский А. С., Архангельский В. А. Указ. соч. С. 24; От Выборга до Новгорода. С. 78.

³⁶ Кисловской С. В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1974.

³⁷ В окончательном разоблачении этого более чем странного сюжета, запущенного в краеведческий оборот с легкой руки известного сочинителя городских легенд Л. В. Успенского, немаловажную роль сыграли публикации в «Новом топонимическом журнале», см.: Мартынов Г. Г. Пять веков топонимии Колтушской земли // НТЖ. 2012. № 1. С. 43–47; Рысев С. Е. Указ. соч. С. 61–72; Рябов Д. С. Оккервиль: имя из XVII столетия // НТЖ. 2014. № 4. С. 46–55.

Вообще, короткие названия дают обильную почву для придумывания аббревиатур, что имеет место и в случае с истолкованием названия посёлка Мга (если следовать подобной «логике», наименование реки произошло от названия посёлка, а не наоборот). Название же *Апраксин Городок* возникло не от усадьбы, а от созданных в этом месте в 1702 г. земляных укреплений. Впрочем, эта местность находится достаточно далеко к востоку от Мги и к нашему топонимическому путешествию не относится. Посему вернёмся вновь на берега реки.

Ниже посёлка во Мгу слева впадает речка Войтоловка. Вокруг расположены многочисленные садоводческие массивы, со всех сторон окружившие деревню *Горы* Павловского городского поселения Кировского района с числом жителей около 250 человек. Она находится слева при самом устье Войтоловки.

На многих картах XIX века (А. М. Вильбрехта 1810 г., Подробной карте Российской империи 1816 г. и других) река Мга до места слияния с Войтоловкой подписана как *Берёзовка*, а Войтоловка названа *Ольховкой*. Выше по течению на Войтоловке находится деревня *Войтолово* (на картах первой четверти XIX века подписана как *Войтола*). Сейчас Берёзовкой и Ольховкой называются небольшие притоки соответственно Мги и Войтоловки.

Неподписанная деревня при устье Войтоловки обозначена на карте 1676 (1827) г. На карте Я. Ф. Шмита 1770 г. на этом месте — деревня *Молголова*; на карте А. М. Вильбрехта 1810 г. её название трансформировалось в *Малгова*.

Деревня *Горы* впервые появляется на карте Ф. Ф. Шуберта 1834 г. Есть она и на всех последующих картах.

В 1838 г. деревня примерно в равных долях принадлежала статскому советнику Дубянскому и действительной статской советнице Голохвастовой³⁸.

Здесь мы вновь встречаемся с представителями рода Дубяньских. В данном случае речь идёт об Александре Михайловиче (1777–1843) — действительном статском советнике, обер-прокуроре IV отделения Сената, ведавшего гражданскими делами. Его отец, Михаил Фёдорович (1734–1776), в чине секунд-майора лейб-гвардии Конного полка принимал участие в дворцовом перевороте 1762 г. В награду он получил от Екатерины II вотчину и 600 душ крепостных. Александр, родившийся спустя несколько месяцев после смерти отца, слыл известным в музыкальной среде Петербурга композитором-любителем. Он сочинял духовную музыку, церковные песнопения, был владельцем и руководителем одного из лучших крепостных хором³⁹. Умер бездетным.

Статская советница Надежда Яковлевна Голохвастова — дочь майора Якова Дубянского (1745–1807), брата Михаила Фёдоровича. Она стала женой Александра Яковлевича Голохвастова, служившего по Министерству финансов (умер в 1854 г. в чине тайного советника).

По-видимому, деревня перешла к Дубянскому и Голохвастовой по наследству и была поделена между ними. В 1856 г. она приведена с названием *Гары* как относящаяся к Царскосельскому Дворцовому правлению⁴⁰. Это

³⁸ Описание 1838 г. С. 75.

³⁹ www.pravenc.ru/text/180536.html.

⁴⁰ Список 1856 г. С. 9.

единственный источник, в котором название дано в такой форме, что указывает на очевидную опечатку.

К востоку от деревни находилась мыза *Раздвой*, впервые обозначенная на карте Ф. Ф. Шуберта 1855 г. О ней известно, что с 1871 г. она принадлежала М. И. Овчинниковой, жене отставного штабс-ротмистра.

Железнодорожная станция *Горы* в месте пересечения уже существующей Череповецкой и вновь строящейся Мологско-Рыбинской линий открыта в 1918 г.⁴¹ Правда, первоначально она тут, на месте *Разъезда № 2*, судя по всему, не планировалась — на карте Петроградской губернии 1916 г. и в соответствующем атласе⁴² пересечение проектируемой и Череповецкой линий обозначено на станции Мга.

После революции Горы вошли в состав Мгинского сельсовета Мгинского района. В начале осени 1941 г. за деревню в течение недели шли бои, после чего немецкие войска закрепились в ней 6 сентября (в этот же день они вышли на левый берег Невы). Освобождены Горы были 21 января 1944 г. частями 67-й армии Ленинградского фронта.

Топоним относится к числу очень распространённых, и его значение очевидно. Как таковых гор здесь, конечно,

Горы. Раздвой. 1885 г.

нет, но деревня действительно находится на возвышении около 45 метров, выделяющемся среди окружающего рельефа.

Далее на правом берегу Мги — посёлок *Дачное* с числом постоянных жителей около 30. Он относится к Павловскому городскому поселению Кировского района. Посёлок послевоенный, впервые упоминается в официальном справочнике 1966 г.⁴³, но обширное садоводство, которое к нему примыкает, стало создаваться в этих местах ещё до войны.

Наконец, по той же древней Ореховской дороге мы достигаем устья реки Мги, при котором расположен крупный посёлок *Павлово* — центр одноимённого городского поселения Кировского района с числом жителей около 3,5 тысяч человек.

Со времён Елизаветы Петровны земли в устье Мги принадлежали Ф. Я. Дубянскому (на карте А. М. Вильбрехта 1792 г. обозначена деревня *Дубьянская*). Известно, что при разделе шлицельбургских имений Якова Федоровича Дубянского в 1813 г. между его сыновьями Александр Яковлевич получил деревню *Келколово* из мызы *Усть-Мга*. В 1830 г. А. Я. Дубянский продал Келколово графу Александру Ивановичу Чернышову. Он преобразовал старую усадьбу и дал ей новое название — *Елизаветино* — в честь своей жены Елизаветы Николаевны, урождённой Зотовой. В качестве приданого Елизаветино досталось их дочери Александре, в 1851 г. ставшей женой гвардии штаб-ротмистра

⁴¹ От Выборга до Новгорода. Каталог станций. С. 73.

⁴² Железные дороги России: [на 1 сент. 1918 г. Пг., 1918]. Л. Х. Окрестности Петрограда.

⁴³ Административно-территориальное деление Ленинградской области / Сост. Т. А. Бадина. Л., 1966. С. 38.

Д. А. Лобанова-Ростовского (впоследствии генерал-лейтенанта). Они увеличили площадь усадьбы, а пристань на Неве назвали *Лобаново*. В 1896 г. Елизаветино было выставлено на торги, и его приобрёл купец 2-й гильдии Абрам Михайлович Ушаков. Затем оно перешло по наследству к его сыновьям Николаю и Алексею. Посёлок Лобаново на правом берегу Мги, вблизи её устья, ещё существовал в первые советские десятилетия, но безвозвратно погиб во время Великой Отечественной войны.

Поселение с названием *Павлово* также имеет собственную историю. Его возникновение на Неве, западнее устья Мги, связано с тем, что в 1882 г. Ольга Осиповна Павлова, вдова русского генерала, погибшего в Русско-турецкой войне 1878 г., купила у французского подданного художника и фотографа Ипполита Робиньяри особняк с 76 десятинами земли и могучим сосновым лесом.

В. К. Симанский в «Спутнике петербуржца» (1883) упоминает о пристани *Павлово*. В «Памятной книжке С.-Петербургской губернии» (1898) приведены сведения об усадьбе Павлово, владельцами которой были Ольга Павловна и Вера Ивановна Павловы. Обозначена мыза Павлово и на дореволюционных картах (впервые она встретилась нам на карте окрестностей Санкт-Петербурга Ю. Гаша 1909 г.⁴⁴).

В 1918 г. имущество, находившееся в имени, было реквизировано и розда-

но по детским учреждениям и клубам. Большую дачу-особняк отдали под начальную школу, остальные постройки сдавались по найму местным учреждениям и отдельным гражданам. Позднее (до 1929 г.) здесь размещался пионерлагерь. Возникновение населённого пункта как такового относится к 1922–1923 гг. Он входил в состав Аннинского сельсовета, а с 1927 г. — Мгинского района Ленинградской области⁴⁵.

В 1929 г. у станции *Пелла*, близ огромного месторождения песка, начали строить Павловский завод силикатного кирпича. В октябре 1931 г. первая очередь предприятия была сдана в эксплуатацию, а в 1933 г. закончилось строительство второй очереди. Посёлок Павлово был передан заводу; в 1937 г. здесь построили первый кирпичный пятиэтажный жилой дом. В довоенные годы Павловский кирпичный завод, один из крупнейших в стране, выпускал 100 миллионов кирпичей в год.

Во время Великой Отечественной войны территория находилась под оккупацией. С 1944 г. Павлово относится к Ивановскому сельсовету. Восстановленный завод дал первый послевоенный кирпич в 1947 г., на довоенную мощность он вышел к 1953 г.

Постепенно расширяясь, территория Павлова вобрала в себя все прибрежные местности Невы выше и ниже устья Мги. В его черту вошли деревня *Петрушино* (упоминается в Переписной книге Вотской пятины 1500 г. как «деревня на

⁴⁴ www.etomesto.ru/map-peterburg_1909gash/?find=1&z=1&x=30.898302324999&y=59.803706579676.

⁴⁵ Положение о гербе муниципального образования Павловского городского поселения муниципального образования Кировский муниципальный район Ленинградской области (Решение Совета депутатов муниципального образования Павловское городское поселение муниципального образования Кировский муниципальный район Ленинградской области № 7 от 26 марта 2009 г.).

Мойке Петрушино»⁴⁶), посёлок Лобаново (Усть-Мга, Елизаветино) и село Анненское (Резановское) в устье Мойки (основанное в 1800 г. камергером Н. П. Резановым и названное по имени его жены Анны Петровны Шелеховой).

В мае 1959 г. был образован Павловский поселковый совет в составе Тосненского района, затем переподчинённый Кировскому горсовету (в 1977 г. переведён в состав Кировского района). Градообразующим предприятием посёлка остаётся Павловский завод строительных материалов (бывший завод силикатного кирпича).

Железнодорожная станция *Павлово-на-Неве*, открытая в 1954 г. после восстановления Кузьминского моста на начальном участке Савёловской (бывшей Мологско-Рыбинской) линии, находится вне территории посёлка, но и не на Неве. Сразу же за мостом, на территории посёлка Павлово, расположена платформа *Геройская* (на карте Санкт-Петербургской губернии 1916 г. она

обозначена как строящаяся станция *Нева*).

На этом наше историко-топонимическое путешествие по Мге завершается. Знакомство с населёнными пунктами, расположенными вдоль этой реки, предоставило хороший повод вспомнить о знаменитом старце XVI века, чьё имя содержит многие здешние топонимы. Вспомнили мы и представителей некоторых аристократических фамилий, сыгравших свою роль в истории России. Отметим значение древних мгинских поселений для сообщения Великого Новгорода с Невой и крепостью Орешек.

Особое место Мга занимает в истории Великой Отечественной войны, когда по реке проходила линия фронта. В подавляющем большинстве мгинских поселений война оставила свой зримый след, но, в конце концов, именно территории одного из них, Сологубовке, суждено стать местом примирения бывших враждующих сторон...

⁴⁶ Переписная окладная книга Вотской пятины 1500 года. Спб., 1851. С. 128.

Д. С. Ратников

САДОВОДЫ-ТОПОНИМИСТЫ

Всякий раз, обнаружив на газетных страницах очередную историю о присвоении спорного наименования той или иной петербургской улице, площади, мосту, политике всех мастей и расцветок среди прочего выдвигают кардинальное предложение — отдать топонимическую работу прямо в руки населению. Мол, уж им-то, местным жителям, лучше знать, рядом с каким именем они предпочитают обитать. И они-де точно не допустят сиюминутных решений об увековечении недавно почившего видного государственного деятеля... Так вот, попробуем уточнить, что же может произойти в том случае, если топонимистами а priori вдруг заделаются простые обыватели?

Впервые с деятельностью Топонимической комиссии Санкт-Петербурга я познакомился, ещё будучи школьником, в то время, когда был объявлен городской конкурс по подбору названия для вантового моста через Неву. Сейчас уже не вспомню, почему, но врезалось мне в память такое предложение: дать новой переправе наименование *мост Ольги Берггольц*. «Как же так? Почему мост должен называться тремя словами, среди которых нет прилагательных? Неужели улицы Ольги Берггольц недостаточно? Зачем вообще использовать мост для увековечения? Как употреблять название в обычной речи?» — такие вопросы я задавал телевизору.

В ответ телевизор уверял, что предложенное название чуть ли не окончательное — непрофессионалов среди журналистов всегда хватало, но школьником я этого, разумеется, ещё не знал, свято веря всему, что бы ни несло с голубого экрана. Оставалось грустить: да что ж у нас за Топонимическая комиссия такая?..

Потом в краеведческом кружке Аничкова дворца, гордо именуемом «Юношеский университет Петербурга», руководитель семинарских занятий А. Д. Ерофеев развеял возникшие у меня сомне-

ния в адекватности топонимистов: мост станет называться *Большим Обуховским*. Такой вариант меня полностью устроил.

После я неустанно задавал А. Д. Ерофееву новые и новые вопросы, всё более убеждаясь, что члены Топонимической комиссии — все как один первоклассные мастера своего дела, не только отлично знающие исторический материал, но и безусловно способные оценить, как именно народ станет применять присваиваемые названия в повседневности. Убедился, что это целая наука сродни искусству: попробуй-ка найти легко произносимое, запоминающееся, неповторяющееся, обоснованное название!

Уверен, если бы те, кто желает самостоятельно сочинять геонимы, взяли на себя труд серьёзно изучить деятельность петербургской Топонимической комиссии, подавляющее большинство из них сразу же безоговорочно отказалось бы от собственных затей, вспомнив пословицу о «чужих монастырях» и «своих уставах»...

А теперь давайте всё-таки представим, что может случиться, если вопросы топонимии действительно будут доверены самим жителям. В том случае, если они сами начнут предлагать названия

и утверждать их голосованием. Чтобы убедиться, что в такой ситуации нет ничего невозможного, достаточно прогуляться по садоводствам, или, как они ныне официально именуется, СНТ (садоводческое некоммерческое товарищество). Поскольку за многие десятилетия эти коллективные «огороды и сады» уже успели плотно обступить наш мегаполис, ограничимся лишь теми, что оказались в границах самого Санкт-Петербурга.

Список самых популярных названий проездов в «городских» садоводствах достаточно предсказуем и, наверное, не составляет никакого секрета даже для тех, кто не интересуется ни краеведением вообще, ни топонимикой в частности. Абсолютным «хитом» стали *1-е линии*, которых насчитывается аж 34 штуки. Сознательно не беру *2-е, 3-и* и так далее по возрастанью в зависимости от размеров садоводства, чтобы не перегружать читателей. Отмечу только, что *11-х линий* — всего 11, а *20-х* — 5.

Второе место прочно принадлежит *Центральным улицам* — их 23. Третье и четвертое места занимают, соответственно, *1-е аллеи* — 21, и *1-е проезды* — 13. В дополнение к ним имеются одна *1-я дорога* и парочка *1-х дорожек*. А вот *1-х улиц* не обнаружилось вообще. Отсюда видно, насколько безразлично в целом население садоводств относится к названиям своего местопребывания. Шесть *Центральных аллей*, три *Центральных линии*, две *Центральных дороги*, один *Центральный проезд*...

«Природные» и «географические» названия при этом, как ни странно, в безнадежных аутсайдерах: *Садовая улица* — 13, *Южная* — 12, *Северная* — 7, *Восточная* — 5, *Лесная* — 9, *Цветочная* — 7, *Полевых и Солнечных* — по 4 каждой. Ни малейшего разнообразия! Разве что

слегка выделяется Садоводство пенсионеров Ленинского района в Дачном, где существуют *Малая* и *Средняя Садовые улицы*.

Среди менее популярных (до 3 примеров), но тоже достаточно традиционных присутствуют *улица Новостроев, Новая улица, Берёзовая (Кленовая, Калиновская, Рябиновская), Дружная (Дружбы), Счастливая, Заречная, Главная линия* или *аллея, Большой проезд*. В последнем случае интересно, что в «Славяночке-2», что между Пушкином и павловским Динамо, разогнались до *Баклажанного* и *Кабачкового проездов*... Ну и под конец, ровно по 4 штуки обнаружено таких названий, как *Средний проезд, Дачная улица, Зелёная, Сиреневая*...

Нетрудно догадаться, что львиную долю подобного «народного творчества» подсказало само топонимическое окружение, в котором безымянные инициаторы присвоения жили, учились или работали. Согласимся, едва ли не в каждом городе найдётся Лесная либо Дачная улица. Тот факт, что подобные названия не уникальны, а попросту банальны, садоводов не пугает — скорее всего, они об этом не задумываются. Идёт улица к лесу — значит, Лесная, проходит мимо поля — следовательно, Полевая. А буде спускается к реке — значит, Речная.

Да и откуда черпать вдохновение, если общих знаний — будем справедливы — явно недостает, а посоветоваться не с кем, да и нет желания? Тут очень кстати вспомнить знаменитый «топонимический гимн» Юрия Антонова «Есть улицы центральные...». Летом 2016 г., когда в комментариях к одному из материалов интернет-газеты «Канонер» наконец заговорили об этом самом «антоновском списке», я решил составить его петербургский садоводческий

вариант. Оказалось, что дело поэта и композитора живет и процветает.

Основное «эхо» песни прокатилось по садоводству «Славяночка-2», где есть *Абрикосовая, Виноградная, Грушевая* (именно с таким, как в песне, неправильным ударением), *Вишнёвая*; плюс ещё *Зелёная* в примыкающем к нему садоводстве «Славяночка».

В целом по всем «городским» садоводствам топонимы в порядке текста песни выстроились следующим образом: *Абрикосовая улица* — 1, *Виноградная* — 1, *Тенистая* — 0, *Вишнёвая* — 4, *Грушевая* — 1, *Зелёная* — 4, *Прохладная* — 0, *Сиреневая* — 4, *Каштановая* — 0, *Луговая* — 1.

Объяснить сложившуюся этимологию садоводческих топонимов затруднительно — для начала следовало бы найти тех, кто их такими придумывает, и поговорить с ними. К сожалению, их имена неизвестны. Впрочем, уверен, что эти люди по логике своего мышления очень схожи с муниципалами, дающими аналогичные наименования в сельских населённых пунктах. С ними-то мне приходилось общаться. Более того, их позиция регулярно публикуется на страницах муниципальных, районных и даже областных газет. Поэтому знаю: главное желание для «садоводов-топонимистов» — сделать комплекс названий человечным, душевным, дать людям на даче думать преимущественно о природе, а не о городе. Вот поэтому, наверное, почти никогда в садоводствах не встретишь вариантов, полностью повторяющих названия известных городских магистралей.

Из всех садоводств, оказавшихся ныне в черте Петербурга, в топонимическом отношении выделяются два: «Волхонское», что возле посёлка Александровская Пушкинского района, и «Славяночка-3»

севернее павловского Динамо. Именно там к письменному и слуховому образу улиц подошли в достаточной степени творчески.

В «Волхонском» созданию интересного топонимического «ансамбля» способствовала сама планировка — криволинейные улицы наподобие распростирающихся радиоволн отходят от перекрестка Волхонского шоссе и Краснокутской улицы и от перекрестка Волхонского и Киевского шоссе. Наименования призваны радовать дачников и их гостей: *Любимая, Счастливая, Радужная, Благодатная, Изящная, Изумрудная, Солнечная улицы*. Рядом — *улицы Вдохновения, Грёз и Просвещения*. И тут же два «привета из Москвы» — *Белокаменная* и *Чистопрудная улицы* (возможно, к ним можно добавить ещё и *Марьинскую*). Довершает действие чудное произведение антоновского пера — *Лунная дорожка*.

В «Славяночке-3» подход иной, больше напоминающий деятельность петербургской Топонимической комиссии. *Царскосельская* и *Софийская улицы* напоминают о городе Царское Село и вошедшем в его состав городе София, основанном Екатериной II. *Катлинская* и *Кискисарская улицы* соотносятся с ныне не существующими деревнями Большое и Малое Катлино и Кискисары. С происхождением *Уланской улицы* несколько сложнее, ведь уланы в Царском никогда не квартировали, только гусары. Правда, в единственном произведении Осипа Мандельштама, посвящённом этому городу, — стихотворении «Царское Село» (1912, 1927) — сказано:

*Свободны, ветрены и пьяны,
Там улыбаются уланы,
Вскочив на крепкое седло...
Поедем в Царское Село!*

Прочитав эти строки, Анна Ахматова обратила внимание поэта на неточность. Осип Мандельштам исправил улан на гусар. Однако новый вариант стихотворения не прижился... Не этот ли факт и оказался увековечен в «Славяночке-3»?

Разумеется, уникальные и просто интересные геонимы присутствуют не только в двух названных садоводствах. Вот перечень «находок», сделанных в других аналогичных местах:

Армовская улица («Ленинградский аэропорт», Дачное);

Арсенальная улица («Арсенал-Ржевка»);

Весёлый переулок («Дружный-2», Торики);

Высоковольтный проезд («Дружба», Красное Село);

Гипсовая улица («Константиновка», Горелово);

Гранитная улица («Константиновка», Горелово);

Кирпичная дорога (Садоводство пенсионеров Ленинского района, Дачное);

Лиговская улица («Электросила № 1», Горелово);

Мраморная улица («Константиновка», Горелово);

Осево́й проезд («ВИР-1», Пушкин);

Офицерская улица («Славяночка-3», Павловск);

Путепроводный проезд («Содружество», Горелово);

Улица Связи («Юбилейный», Торики);

Улица Судостроителей («Маяк», Торики);

1-я и 2-я Узкие дорожки («ВИР-1», Пушкин);

Фермерская улица («Славяночка-3», Павловск);

Улица Хуторок («Славяночка», Павловск).

Напоследок скажу, что на все «городские» садоводства обнаружилось только одно название, которое можно считать примером увековечения, — это *Мичуринская улица* в садоводстве «Хладокомбинат 4–5» в Ториках. Да и то нельзя наверняка утверждать, дано ли это наименование в честь выдающегося биолога и селекционера И. В. Мичурина или оно отражает всего лишь желание «увековечить» мичуринские яблоки, учитывая их общее «фруктово-овощное» окружение.

Несомненно, весьма интересно будет собрать и описать все наименования проездов, имеющиеся в «городских» садоводствах, ведь в фундаментальной «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» эта группа названий до сих пор не представлена.

Т. В. Шмелёва

ИМЕНА ГЕРОЕВ ВОЙНЫ НА КАРТЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Великая Отечественная война — это одна из самых трагических страниц в истории Новгорода. Город был оккупирован 19 августа 1941 г., освобожден — 20 января 1944 г. И его оборона, и освобождение всей Новгородской земли связаны с огромными потерями: «более 750 тысяч человек погибли и почти столько же умерли от ран и пропали без вести»¹. Понятно, что новгородцы свято чтут всех, кто воевал на Волховском фронте, в партизанских отрядах, погиб во время трагедии Второй ударной армии. Отнюдь не забыты и ушедшие на войну жители города: по данным областного военкомата, непосредственно из Новгорода были призваны 10 318 человек; более 6 тысяч из них погибли и пропали без вести².

Увековечение памяти героев войны занимает большое место в жизни современного Новгорода, и для этого используются различные формы.

Много пишут о героях войны новгородские журналисты: в еженедельнике «Новгород», «Новой новгородской газете», «Новгородских ведомостях». Так, например, к 70-летию Победы с февраля по май 2015 г. рубрику «Улица имени героя» в газете «Новгород» вела Антонина Смирнова (её материалы будут цитироваться далее)³.

Разумеется, публикуются подобные материалы и в центральных изданиях⁴. Выходят книги с материалами о войне и воспоминаниями её участников⁵.

Визуально память о героях увековечена на 33 мемориальных досках и в 19 мемориалах — обелисках, бюстах, памятных знаках⁶. С 2010 г. в Великом Новгороде стоит стела Воинской Славы. Однако самым массовым и, вероятно, одним из самых эффективных способов сохранения памяти о героях по-прежнему остаётся закрепление их имён за

¹ Новгород. 2007. 18 января.

² Там же.

³ Все материалы рубрики написаны А. Смирновой и размещены на официальном сайте газеты, где их легко найти по дате публикации. Поэтому далее в ссылках они указаны без фамилии автора.

⁴ Сидорчик А. Герой, но не пионер: Реальная и мифическая истории Лёны Голикова // Аргументы и факты. 2014. 4 марта; www.aif.ru/society/history/geroy_no_ne_pioner_realnaya_i_mificheskaya_istorii_zeni_golikova (далее: Сидорчик); Рокоссовская А. Улица Черняховского // Российская газета. 2015. 18 февраля (далее: Рокоссовская).

⁵ Тэммо А. Н., Вязинин И. Н. Золотые звёзды новгородцев. Л., 1987; Навсегда в памяти: Сб. матер. / Под ред. В. Е. Шайковского. Сост. Е. М. Краснопецев, В. П. Никуличев. Великий Новгород, 2010; Мы помним, мы гордимся! Великий Новгород, 2011.

⁶ Власов А., Брутман С. 19 мемориалов и ни одного музея // Новая Новгородская газета. 2008. 26 ноября.

тем или иным фрагментом городского пространства. Ведь имя на карте постоянно звучит в повседневной жизни города (как говорится, «у всех на устах») и фиксируется в массе городских документов.

Для выяснения истории наименования новгородских улиц в память о героях войны обратимся к официальным источникам, прежде всего «Реестру наименований улично-дорожной сети», принятому городской администрацией в 2012 г., а также к газетным публикациям и литературе⁷.

Первым на карте Новгорода появилось имя Лёни Голикова — партизана, погибшего 24 января 1943 г. у деревни Острая Лука (ныне Псковской области). Родился же он в 1926 г. и вырос в деревне Лукино Парфинского района, работал до войны на Парфинском фанерном комбинате. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему 2 апреля 1944 г. (посмертно)⁸.

Новгородцы по праву гордятся своим земляком. В Великом Новгороде память о нём увековечена в названиях улицы, проезда и бульвара на Торговой стороне, а также памятником (скульптор Н. В. Томский) у здания областной администрации⁹.

Однако когда именно это случилось? Как ни странно, точных данных ни один из известных нам источников не со-

держит. Зафиксировано только, что проезд назван «по одноимённой улице в 1957 г.»¹⁰. Следовательно, к тому времени улица уже носила такое название. Бульвар образован в 1970 г. и назван «по одноимённой улице»¹¹ — видимо, тогда же. Памятник открыт 19 января 1964 г. — очевидно, к 20-летию освобождения Новгорода. Правда, сегодня проезд растворился в современной застройке, а бульвар трудно заметить среди гаражей. Но улица существует, памятник стоит, Дворец детского творчества имени Лёни Голикова (ранее Дом пионеров) действует, а в нём есть Музей партизанской славы на Новгородской земле¹². То есть, несмотря на прошедшие десятилетия, память жива.

Кстати, уместно будет сказать, что в «обойму» пионеров-героев Леонид Александрович Голиков был включён в начале 1950-х гг., для чего его возраст пришлось уменьшить на два года. Всеобщая известность пионеров-героев, активное обращение к их образам в воспитательной работе со школьниками способствовала тому, что в разных населённых пунктах страны их именами стали называть улицы и школы, пионерские лагеря, дружины и отряды, даже речные и морские суда.

Возможно, именно это обстоятельство и подтолкнуло в своё время новгородские власти назвать в честь Лёни

Голикова улицу в Новгороде, а также в Старой Руссе, Окуловке, Парфине, посёлке Пола Парфинского района. Улицы его имени есть в Петербурге¹³, Пскове, Калининграде, Донецке.

К 20-летию освобождения Новгорода число героев, увековеченных на карте города, заметно увеличилось. В 1964 г. улицам были присвоены имена Ивана Саввича Герасименко, Александра Семёновича Красилов, Леонтия Арсеньевича Черемнова, Григория Георгиевича Телегина, Тимура Михайлович Фрунзе, Зои Григорьевны Кругловой. Они погибли в боях за Новгород и все, кроме З. Г. Кругловой, удостоены звания Героя Советского Союза (посмертно).

И. С. Герасименко, А. С. Красилов и Л. А. Черемнов совершили подвиг самопожертвования в январе 1942 г., закрыв своими телами вражеские амбразуры на линии Волховского фронта¹⁴. Летчик Т. М. Фрунзе погиб в бою в небе над Старой Руссой 19 января 1942 г.¹⁵ Г. Г. Телегин пал смертью храбрых при освобождении Новгорода в 1944 г.¹⁶ Зоя Круглова была разведчицей, схвачена гестаповцами и казнена в сентябре 1943 г.¹⁷

Стела, посвященная подвигу И. С. Герасименко, А. С. Красилова и Л. А. Черемнова. 2015

Для увековечения памяти героев были переименованы улицы, которые к тому времени назывались *Никитинская* (по церкви Никиты мученика), *Крёстечкавая*, *Редятина*, *Ефимьевская*, *Оловянка*, *Юрьевская*.

В 1965 г. — а это год празднования 20-летия Победы — в Новгороде появились ещё несколько улиц с именами героев. Для увековечения были выбраны Анатолий Фёдорович Бредов — новгородец, павший под Мурманском¹⁸; Александр Викторович Герман — командир партизанской бригады, похороненный в Валдае¹⁹; Александр Константинович Панкратов, совершивший подвиг под Новгородом²⁰; Иван Данилович

⁷ Зайцев И. А., Кушнир И. И. Улицы Новгорода: Справочник. 2-е изд. Л., 1980; Запольская О. В., Моисеев С. В. Улицы Великого Новгорода: Справочник. Великий Новгород, 2010 (далее: Запольская, Моисеев).

⁸ Герои Советского Союза: Краткий биограф. словарь. Т. 1. М., 1987. С. 335.

⁹ Юный партизан Лёня Голиков // Новгород. 2015. 19 марта (рубрика «Улица имени героя»). Также см.: Сидорчик.

¹¹ Там же.

¹⁰ Запольская, Моисеев. С. 47.

¹² ddutnov.ru/o-nas.

¹³ Названа 16 января 1964 г. (Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 239).

¹⁴ Не вернулись из разведки // Новгород. 2015. 5 марта; Орлов А. «Оставлены на поле боя»: Красивая легенда и некрасивая правда // Новая новгородская газета. 2010. 8 декабря; Витушкин С. Героев знаем имена // Новгород. 2012. 26 января.

¹⁵ Улица Тимура Фрунзе // Новгород. 2015. 2 апреля.

¹⁶ Два танкиста // Там же. 2015. 9 апреля.

¹⁷ «Ах, как хочется жить...» // Там же. 2015. 22 апреля.

¹⁸ «Русские в плен не сдаются!» // Там же. 2015. 30 апреля.

¹⁹ Комбриг 3-й Ленинградской партизанской // Там же. 2015. 19 марта; также см.: Калашникова С. Последнее письмо // Там же. 2006. 19 января.

²⁰ Подвиг Александра Панкратова // Там же. 2015. 26 февраля; также см.: Савинова И. Ради жизни боевых товарищей 65 лет назад закрыл собой амбразуру Александр Панкратов // Там же. 2006. 24 августа.

Черняховский — военачальник, один из организаторов обороны Новгорода, погибший в Польше²¹; Муса Джалиль — татарский поэт, корреспондент газеты Второй ударной армии «Отвага», казнённый в августе 1944 г. в берлинской тюрьме Моабит²². Это вновь означало переименование улиц со старинными названиями — *Звёринской, Гужевóй, Зава́льной, Кольцевóй, Духовскóй*.

К очередным юбилеям с 1969 по 1976 г. появляются улицы, названные именами новгородцев: Саши Устинова — комсомольца-подпольщика, погибшего в октябре 1942 г.²³, и Виктора Ивановича Вересова, совершившего подвиг в 1941 г. на Ораниенбаумском плацдарме²⁴. Среди увековеченных оказываются имена военачальников, связанных с Новгородом и к тому времени уже окончивших жизненный путь. Так на карте города появляются имена Кирилла Афанасьевича Мерецкова — маршала, с 1941 г. командовавшего Волховским фронтом²⁵, и Ивана Терентьевича Коровникова — командующего одной из армий Волховского фронта, почётного гражданина Великого Новгорода²⁶. Имя Климента Ефремовича Ворошилова чаще связывают с Гражданской войной, но он был заметной фигурой и во время Великой Отечественной — входил в состав командования Ленинградского и Волховского фронтов, пар-

тизанского движения. Здесь уже ситуация складывалась иначе: за исключением улицы Мерецкова, переименованной из *улицы Труда*, все остальные — новые, образованные тогда же при расширении территории города.

Перечень «геройских» улиц продолжает пополняться и в следующем десятилетии: в 1985 г. появляется *улица Белова* в память об Александре Романовиче Белове, командире одной из дивизий, участвовавшей в освобождении города²⁷. Для этого отвели часть *Инженерной улицы*, так что полного переименования не потребовалось.

Всего к началу 1990-х гг. на карте города было 18 улиц с именами героев.

В 1995 г. скончался Герой Советского Союза, почётный гражданин города Игорь Александрович Каберов, ушедший на войну из Новгорода и вернувшийся сюда, завершив карьеру летчика-истребителя в звании полковника. Он стал прототипом одного из персонажей романа Николая Чуковского «Балтийское небо», посвящённого морским летчикам, защищавшим Ленинград. В нашем городе И. А. Каберов работал на заводе «Квант», руководил авиаспортивным клубом, аэропортом. Жил на *Малой Власьевской* (таковой она была с 1991 г., а до этого — *улицей А. Бебеля, Солецкой*), переименованной²⁸ в год его смерти в память о нём.

²¹ Всеми любимый генерал // Там же. 2015. 19 февраля; также см.: Рокоссовская.

²² «Перед врагом колен не преклонял...» // Новгород. 2015. 16 апреля.

²³ «Прощайте. Ваш Саша» // Там же. 2015. 23 апреля.

²⁴ Последнюю гранату припас для себя // Там же. 2015. 30 апреля.

²⁵ «Хитрый ярославец» был уроженцем Рязанщины // Там же. 2015. 19 февраля.

²⁶ Первый почётный гражданин // Новгород. 2015. 5 февраля.

²⁷ Они вошли первыми в разрушенный город // Там же. 2015. 12 февраля.

²⁸ Лётчики улетают на другой аэродром // Там же. 2015. 26 марта.

В 1990-х гг. появляется улица Якова Павлова, защитника знаменитого «Дома Павлова» в Сталинграде, Героя Советского Союза. После демобилизации Яков Федотович Павлов жил и работал в Новгороде; умер в 1981 г., не дожив до 65 лет²⁹. В его честь названа новая улица в северной части Торговой стороны.

Таким образом, с конца 1950-х гг. количество новгородских улиц с именами героев постоянно увеличивалось, а принцип их наименования изменялся. Если вначале выбирались имена тех, кто отдал жизнь за город, то впоследствии на карте появились и имена погибших на других фронтах, и тех, кто вернулся и стал новгородцем в послевоенное время.

В 1991 г. в Новгороде, как и в других городах, прежде всего в Москве и Петербурге, прошла кампания по смене советских названий улиц, в результате которой в его древней части — в пределах окольного вала — были возвращены более пятидесяти средневековых названий³⁰. Частично эти «новые старые» названия заменили такие как Советская, Комсомольская, Желябова, Свердлова — что, наверное, вполне справедливо. Однако одновременно с карты города оказались «стёрты» имена героев войны: Черняховского, М. Джалиля, Бредова, Литвинова, Телегина, Красилова, Панкратова, Т. Фрунзе, Герасименко, Черемнова, Мерецкова.

Общественностью Новгорода это было воспринято как «разувековечение»

признанных героев и болезненно переживалось. Так, возглавлявший тогда областную писательскую организацию Борис Романов писал в газете «Новгород»: «*Но что гнетёт? Утверждается историческое имя улицы, но исчезает имя человека. Оловянка, а не Тимура Фрунзе, Конюхова (Конюшая), а не Черемнова, Завальная, а не Александра Панкратова. Оказывается, мало погибнуть в воздушном бою или принять смерть грудью на амбразуре, чтобы остаться в новой новгородской истории. Не говоря уже о простых смертных*»³¹. Публиковались и более резкие высказывания.

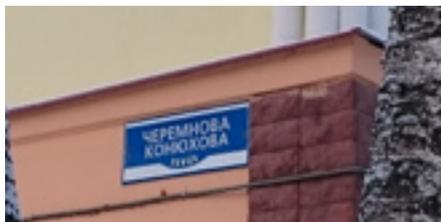
В средствах массовой информации и многочисленных письмах в органы городской власти неравнодушные граждане потребовали вернуть заслуженные имена. В результате решением городской управы № 102 от 3 сентября 1993 г. были возвращены имена улицам Панкратова, Черняховского и Красилова.

Наряду с этим появились 9, так сказать, «компромиссных» названий улиц, включивших имена героев в купе со средневековыми названиями. Получилось следующее: Бредова — Звериная; Мусы Джалиля — Духовская, Литвинова — Лукина, Мерецкова — Волосова, Телегина — Редятина, Герасименко — Маницына, Тимура Фрунзе — Оловянка, Черемнова — Конюхова. В 1999 г. к ним прибавилась ещё улица Каберова — Власьевская. С 2005 г. этот странный перечень «возглавляет» площадь Победы — Софийская, к возвращённому

²⁹ Сталинградский «Дом Павлова» // Там же. 2015. 7 мая.

³⁰ Решение Новгородского городского Совета народных депутатов от 12 сентября 1991 г. «О возвращении улицам города их исторических названий» см.: *Запольская, Моисеев*. С. 164–166; *Андреев В. Ф.* Что в имени тебе моём... // Новгород. 1991. 4 января и далее: с 4 октября 1991 по 6 марта 1992 г.

³¹ Цит. по: *Орлова Е. О.* Картины мира в названиях улиц Великого Новгорода: учеб.-метод. рекомендации. Великий Новгород, 2002. С. 56.

Табличка на улице Черемнова — Конюхова.
Фото автора. 2015

Табличка на улице Герасименко — Маницына.
Фото автора. 2015

историческому наименованию которой просто прибавили отвергнутое ранее советское, для того чтобы «не обижать ветеранов накануне 60-летия Победы».

Так непродуманный идейный компромисс породил небывалый в языковом отношении тип наименований улиц, объединивший несоединимые формы: родительный падеж существительного (фамилии) и прилагательное — относительное (*Духовская*) или притяжательное (*Лукина, Волосова, Редятина, Маницына, Конюхова*)³². Грамматически невероятно и соединение в одном наименовании родительного падежа (*Тимура Фрунзе*) с именительным (*Оловянка*). В устрашающее наименование *Бредова — Зверина* вообще закралась ошибка: «вторая половина» этого «топонима» правильно должна звучать как *Зверинская* — относительное прилагательное от названия Зверина монастыря, на что обращалось внимание и в прессе, и в научных публикациях³³.

Безусловно, получившиеся «комплексы» невозможно склонять, и это застав-

ляет создавать фрагменты текстов, для русской грамматики совершенно нехарактерные.

Грамматическая странность этих соединений создаётся ещё и тем, что составляющие их формы, разные по грамматической природе, оказываются омонимичными: «Телегина — Редятина» или «Черемнова — Конюхова»: где тут фамилия в родительном падеже, а где средневековое притяжательное прилагательное? Решишь не сразу, особенно если не знаком с «темой» в достаточной степени. Поэтому кому-то и кажется, что это двойные фамилии типа Салтыкова-Щедрина или, скажем, Сергеева-Ценского. Так ведь то хотя бы знаменитые писатели были... Другим же представляется невозможным соединение имён с многовековой «разницей в возрасте»: к фамилии, например, Черемнова, из XX века ни в коем случае нельзя присоединять притяжательное прилагательное Конюхова (улица), происходящее из века XV-го.

³² Подробный анализ см. в монографии: *Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли. Великий Новгород, 2005. С. 335–368 (Гл. 7. Названия улиц средневекового Новгорода XI–XV вв.).

³³ Так, в статье С. Гориной «Где эта улица?» (Новгородские ведомости. 2011. 15 января) приводится мнение историка Л. А. Секретаря об ошибочности этого названия; также см.: *Петрова Л. Я.* О функционировании возвращённых названий улиц Великого Новгорода // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Матер. междунар. науч. конф. Великий Новгород, 2001. С. 31.

В целом с позиций лингвистических наименования и громоздкие, и неестественные для русского языка, и не отвечающие критериям топонимичности. Однако выступать сегодня за изменение этих названий означает навлечь на себя обвинения в предании забвению памяти героев. Тем более что в одних случаях названия согласованы с другими способами увековечения — мемориальными досками, недавно открытым бюстом А. К. Панкратова на улице его имени³⁴, — в других же имя улицы оказывается единственным способом сохранить память.

В то же время новгородцам, конечно, не так-то просто отказаться и от средневековых имён улиц, которые уже почти 25 лет вновь живут на карте города — это непосредственные свидетели древней истории Новгорода, повествующие о его жителях, их именах, занятиях, храмах. То есть сами по себе это тоже памятники.

Итак, мы убедились, что имена героев войны занимают важное место в новгородском ономастиконе. Двадцать

Открытие бюста А. К. Панкратова на улице его имени. 2015

таких названий в городе с числом улиц около двухсот — осязаемое присутствие. Тем более что эти улицы сосредоточены в основном в исторической части города. Перечень подобных названий складывался постепенно, он пережил потрясения конца XX века, но его наличие в городском пространстве говорит о том, что Новгород помнит своих героев. Главное, чтобы ни у городских властей, ни у общественности не возникало ощущения, что поддержание памяти о Великой Отечественной войне и её героях исчерпывается только этим.

³⁴ *Воробьёв Д.* За мужество, стойкость, героизм // Новгород. 2015. 29 октября.

С. В. Столярова

ФИННО-УГОРСКАЯ ТОПОНИМИКА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО СЛАВЯНО-ФИНСКИХ КОНТАКТОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Как часто приходится слышать: «Ростов, Москва, Ярославль, Владимир — старинные русские города...» — и как редко вслед за этим вам скажут, какова же на самом деле их «старинность» и этническая принадлежность. В последнее время, когда к «старине» относят любые события и явления, случившиеся полувека назад, эти города, известные по летописям уже в X–XI веках, а реально существовавшие задолго до их первого письменного упоминания, становятся воистину древними, приближаясь к своему тысячелетнему юбилею. А что касается национальных корней... Русские они несомненно, но, если будет позволено так выразиться, насколько русские? Ведь возникновение города — процесс сложный и длительный, по «мановению руки» города возникают крайне редко, да и то, как правило, основание «по приказу той или иной личности» — это сложившееся впоследствии народное или иногда даже научно-историческое устойчивое представление, не всегда соответствующее действительности, миф, так сказать...

Все названные города расположены на территории средневековой Северо-Восточной Руси. Трём из них традиция даёт в основатели реальных исторических деятелей, одному — легендарного. Они были центрами Ростовско-Суздальского, затем, после возвышения Владимира, — Владимиро-

Суздальского княжества. После усиления Москвы стали частью земли Московской, далее — единой России. Значение Ростовско-Суздальской земли в российской истории переоценить трудно. Ещё Д. А. Корсаков, выдающийся русский историк, писал об этом княжестве:

«В земле Ростовско-Суздальской образовалась и окрепло <...> племя великорусское — племя, собравшее и сплотившее русскую землю и создавшее могущественное русское государство <...> В земле Ростовско-Суздальской сложилось и развилось начало единовластия, послужившее основанием нашего государственного строя <...> В земле Ростовско-Суздальской <...> яви-

лось несколько самостоятельных, независимых друг от друга княжеств. Одно из этих княжеств, самое незначительное, — княжество Московское становится этнографическим и политическим центром земли русской <...>. Посредством Москвы это племя (великорусское — С. С.) получает первенство в русской земле, посредством Москвы начало единовла-

тия укореняется на Руси и объединяет её разрозненные области. <...>

Таким образом, история Ростовско-Суздальской земли составляет пролог к исто-

рии Московского государства. Изучение корней, зародышей всех исторических явлений сопряжено с большими затруднениями...»¹.

В чём же причина этого? Почему «мать городов русских» Киев утратил свое значение ещё в раннем средневековье? Отчего другие южнорусские города — Чернигов или Любеч — не заняли того места, которое смогли занять Ростов или Ярославль? Северо-Восточная Русь стала оплотом русской государственности, смогла дать достойный отпор завоевателям-кочевникам, создала самобытную культуру. Ведь именно с культурой Северо-Восточной Руси у всего мира связывается понятие «русский»: русская белокаменная архитектура, русская литература, русский дремучий лес и даже русский медведь. Быть может, эта самобытность связана с тем, что древнерусская народность и её прямая наследница — народность великорусская — формировались в сложной и интересной этнической и политической обстановке, в контакте с народами, совершенно иными по языку, по жизненному укладу и, вероятно, по сознанию. Может быть, тесная связь и взаимообогащение разноэтничных культур и послужило отправной точкой для формирования «русского характера».

Как известно, славяне, сдвинутые с мест своей прародине в Центральной Европе в результате Великого переселения народов, начавшегося в конце IV века, стали продвигаться в северо-восточном и восточном направлениях,

дойдя до среднего Поднепровья, где, собственно, и происходило завершение формирования славян восточных (в отличие от западных и южных). Здесь, в Поднепровье, формируются восточнославянские племенные союзы, хорошо известные по «Повести временных лет»: поляне, древляне, кривичи, вятичи и т. д. Отсюда, из Среднего Поднепровья, во второй половине I тысячелетия восточные славяне начинают расселяться далее — на север, северо-запад и северо-восток.

На север Восточно-Европейской равнины славяне, известные по древнерусским письменным источникам как словене новгородские, начинают проникать примерно с VI века, и в VIII–IX веках осваивают эту территорию довольно полно: от Чудского озера на западе до Заволочья, района древних волоковых путей в бассейнах рек Онеги, Северной Двины и Ваги на востоке. Юго-восточная окраина этой территории включала Белозерье. Коренное население этих мест — прибалтийско-финские народы воль, ижора, корела, весь — были первыми из финно-угорских народов, с которыми восточные славяне соприкоснулись в своем колонизационном процессе. Следует напомнить, что в начале второй половины I тысячелетия славяне, как и прибалтийско-финские племена, вступившие с ними в контакт, находились на стадии разложения родового

¹ Корсаков Д. А. Мера и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. М., 2015 (переиздание 1872 г.). С. 11–12.

строю, но если у славян в этот период уже начались процесс имущественного расслоения среди членов общины и формирование племенной знати как показатель классообразования, то у прибалтийских финнов классы только зарождалось. Это сходство общественной организации, видимо, значительно облегчило славянам установление добрососедских связей с аборигенами. И первые крупные городские центры Северо-Запада основывались славянами совместно с прибалтийскими финнами. Здесь нужно прежде всего упомянуть Господин Великий Новгород, как он стал называться в пору своего расцвета. У исследователей существует мнение, и оно во многом подтверждается археологическими данными, что Новгород появился как результат соединения нескольких поселений — как славянских, так и прибалтийско-финских — в одно протогородское образование, которое затем развилось в город. И именно этим, как полагают многие учёные, можно объяснить названия двух новгородских концов — Неревского и Людина. Можно предположить, что на месте Неревского конца существовало поселение племени нарва, упоминаемое в «Повести временных лет» (или, как в некоторых других летописных сводах, восходящих к «Повести...», нерва). В. В. Седов предполагал, что нарвой могла называться группа води, живущая в районе реки Нарвы². А название Людина конца могло быть связано с карелами-людиками.

Восточнославянская колонизация Волго-Окского междуречья — территории будущих Ростовско-Суздальской, Владимирской и Московской земель —

носила несколько иной характер. Она началась в IX веке, когда уже сложилось раннее восточнославянское государственное образование Древняя Русь с двумя городскими центрами: Киевом на юге и Новгородом на северо-западе. Оба эти города с прилегающей к ним округой претендовали на ведущую государственную роль, как экономическую, так и политическую, и стремились подчинить своей власти возможно бóльшую территорию. Славяне начали осваивать территорию между Окой и Волгой в IX веке именно с северо-запада, из Новгородской земли. Чуть позднее к новгородцам присоединились с запада кривичи и вятичи. Влияние последних двух племён в этом регионе со временем значительно усилилось, а новгородская волна, напротив, ослабла.

Финно-угорские племена заселяли Волго-Окское междуречье со времен неолита. В период славянской колонизации коренное население этих мест составляли поволжско-финские народы меря, мурома и мещера. В процессе контактов со славянами и включения поволжско-финских территорий в состав Древнерусского государства эти народы были ассимилированы вновь пришедшими, «вымерли», как нередко приходится слышать о таких этносах, будто о чем-то ископаемом, эволюционно непродуктивном. Но эти народы оставили очень серьёзный след в славянской (и, следовательно, древнерусской и великорусской) культуре, традициях и даже генофонде. Ведь аккультурация местного населения была связана не только со взаимными политико-экономическими и матери-

альными контактами, она в огромной степени основывалась на межэтнических браках.

Письменные источники свидетельствуют (и это подтверждается данными археологии), что славянская колонизация Волго-Окского междуречья проходила мирно, во всяком случае, на первом этапе, когда это ещё было только крестьянское, сельскохозяйственное освоение не занятых финно-угорским населением территорий. На этом этапе славяне учились у местных лесным промыслам, а те в свою очередь перенимали приемы пашенного земледелия, поскольку до этого у поволжских финнов преобладало подсечно-огневое. В таких условиях первоначальная, субстратная топонимия практически не меняется, особенно долго сохраняются гидронимы, хотя и «подстраиваются» при этом к особенностям нового языка. Даже беглый анализ таких топонимов даёт представление о характере и масштабах расселения пришлого населения, о скорости ассимиляции аборигенов.

Меря — первый поволжско-финский народ, с которым вступили в контакт славяне, — занимал весьма обширную территорию. Она включала современные Ярославскую, Костромскую, Ивановскую и часть Владимирской и Московской областей. Большая часть гидронимии этих территорий и сейчас сохраняет финно-угорское происхождение: *Нерль, Унжа, Межа, Клязьма, Андоба, Вельша, Кондоба* и др. Многие названия уже не этимологизируются, но согласно лингвистическим исследованиям имеют мерянское происхождение.

О. Б. Ткаченко, ведущий специалист по мерянистике, рассматривает язык мери как своеобразное связующее звено между поволжско-финскими и прибалтийско-финскими языками, так как он обнаруживает черты и тех, и других. Многолетние изыскания позволили О. Б. Ткаченко в большой степени восстановить мерянский язык. Этот реконструированный язык на данном этапе изучения не может использоваться как полноценная коммуникативная система, но позволяет сделать многие важные выводы³.

Так, анализируя гидронимическое словообразование у мери, О. Б. Ткаченко делает вывод, что первоначально большая часть речных названий образовывалась с помощью форманта **juk* — река. Таким образом, *Андоба, Вельша, Кондоба* первоначально звучали как **Andoba juk, *Velša juk, *Kondoba juk*, что в переводе означает соответственно «река, кормящая (водой)»; «река, поглотившая многих (т. е. притоки)»; «река, несущая воду». Русские пришельцы, начиная употреблять эти названия, «ослабляивали» их, просто отбрасывая *«juk»*. С таким же явлением можно столкнуться и на Северо-западе России. Современные *Нева* и *Мста* на заре освоения словенскими новгородскими территориями будущей Ленинградской области звучали также с «речной» частью *joki* (фин. *joki*, эст. *jõgi* — река): *Neva-joki, Mustajoki* — соответственно низменная, болотистая река, чёрная река.

На тесные контакты мери и прибалтийских финнов обращал внимание также и выдающийся исследователь прибалтийско-финского эпоса В. Я. Евсеев. Он указывал, что на рубеже I–II тысячелетий

² Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 42

³ Подробнее см.: Ткаченко О. Б. Исследования по мерянскому языку. Кострома, 2007.

меряне поддерживали отношения с карелами, и считал именно мерян эпическими «*женихами из-за моря*». Морем, по мнению исследователя, тогда назвалось озеро Неро, именуемое в народе Мерио — Суздальское море. Согласно Устюжскому летописцу, в 1252 г. «*прииде ратью Неврюи Салтан и прогнаше князя Андрея за море Суздальское*». Этноним «меря» В. Я. Евсеев также возводит к финно-угорскому «*meri*» — море, которое на ранних этапах развития языка имело более широкое понятие. Оно означало любое обширное водное пространство, включая большие реки и озера⁴. А меря, вернее, одно из её племен, как свидетельствует «*Повесть временных лет*», «*сидела на Ростовском озере, и на Клещине озере тоже меря*».

А. И. Попов, анализируя мерянскую топонимию, выделяет характерные «речные» суффиксы: -ога/-ега, -юг(а)/-уга, -хра/-гра, -хта/-гда, -кша/-кса, -ма, -за, -жа и др.⁵ Он отмечает, что гидронимы такого типа встречаются не только в Волго-Окском междуречье, но и на Русском Севере, в частности, в Вологодской области⁶. Это вдвойне показательно, так как Костромское Поволжье — территория, на которой остатки мерянского народа обитали да-

же после того времени, когда она официально считалась полностью ассимилированной⁷, — непосредственно граничит с Вологодской областью. Без сомнения, географическая близость подразумевала и тесные экономические и культурные контакты. Вероятно, меря не только была связана с прибалтийскими финнами, но и расселялась в северо-восточном направлении, сначала самостоятельно, затем вместе со славянами, оставляя топонимические свидетельства этого процесса.

От мери осталось и немалое количество названий населённых пунктов, хотя в процессе освоения славянами её территории здесь появлялось всё больше и больше русских топонимов. Особенно это явление усилилось после XII века, когда многие крестьяне стали уходить из южных княжеств в эти места, спасаясь сначала от усиления феодального гнёта, а позже — от набегов кочевников.

Названия мерянских населённых пунктов, согласно наблюдениям А. И. Попова, как правило, содержат суффиксы -бол/-бал (боль), -едом/-одом, -кша, -хта⁸. Это *Шагебол*, *Солебал*, *Кужбол*, *Куткобол* и др. Нередко мерянские топонимы получали славянскую огласовку за счёт суффиксального расшире-

ния — добавления русских суффиксов места -(о)во, -ка. И тогда появлялись названия типа Шухобалово или Шаболовка.

О. Б. Ткаченко возводит топоформант -бол/-бал к мерянскому «*угодьё*, поселение, деревня»⁹. Тогда село Кибол, зафиксированное письменными источниками на реке Каменке недалеко от Суздаля, можно расшифровать как «каменная деревня» (где ки- от финно-угорского *kivi* — камень, бол — деревня), или деревня на реке Каменке. Возможно также, что «Каменка» — это русская калька с мерянского **Kivi juk* — каменная река, река с каменистым дном или каменистыми берегами.

Кстати, о Суздале. Старинный русский город, известный с 1024 г., но возникший в IX–X веках. Город, бывший столицей княжества до возвышения Владимира в XII веке. Город, по имени которого до XIV века, уже после потери былого значения, продолжала именоваться земля — Суздальская, или, как писалось в летописях, Суждальская. Археология свидетельствует, что город возник на месте славяно-мерянского поселения¹⁰. Объяснение его названия вызывает затруднения. Народная этимология выводит топоним из слова «суждение», т. е. город возник по «мудрому суждению» своего основателя, или же из словосочетания «судой дол». Исследователи также объясняют по-разному: Е. М. Пospelов воз-

водит к русскому глаголу «сзъядати» (создать), т. е. сделать из глины: зъдь — глина¹¹. Возможно, поселение строилось с использованием большого количества глины, или его основатель был гончаром. Но не менее интересна версия происхождения этого названия, выводящая его из финно-угорских языков. Окончание -ль в слове «Суздаль» может быть редуцированным в русском языке финно-угорским «ляй» — ручей (аналогичное слово есть в мордовском языке), а корень «суз-» может восходить к финно-угорскому «волк» (фин. *susi*, эст. *suzi*). Быть может, когда-то возле славяно-мерянского поселения протекал ручей или речка, именовавшаяся Волчьей?..

Что касается перечисленных топонимов с мерянской этимологией, многие из них уже не существуют, хотя в письменных и картографических источниках XVIII–XIX веков таких названий можно обнаружить немало. Свою роль здесь сыграли и войны, и переселения, и переименования...

Но многие из мерянских названий сохранились и теперь, органично влившись в топонимию Центральной России. Часто они даже не вызывают сомнений в своем «славянском» происхождении, став как будто родными для русского языка: расположенное неподалеку от Суздаля село *Кидекша*, в котором в XII веке Юрий Долгорукий имел свою резиденцию¹², *Нерехта*, *Кинешма*,

⁴ Евсеев В. Я. Проблема летописной мери в свете фольклора прибалтийско-финских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 149 и след.

⁵ Попов А. И. Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. М., 1975. С. 16.

⁶ Полагаем, нет нужды приводить примеры — они достаточно многочисленны и без труда обнаруживаются на современных географических картах указанных регионов.

⁷ Именно в Костромском Поволжье существовали, согласно документам XIV–XVI веков, так называемые Мерские станы: один — к северо-западу от Плещеева озера, другой — западнее, на территории современной Тверской области возле г. Кашина. Вероятно, эти области заселяла меря, сохранявшая ещё свои этническое самосознание и язык.

⁸ Попов А. И. Указ. соч. С. 17.

⁹ Ткаченко О. Б. Указ. соч.

¹⁰ Седова М. В., Бельнская Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1984. С. 95.

¹¹ Пospelов Е. М. Географические названия России. М., 2004.

¹² Уместно заметить, что название реки Нерли, на которой стоит Кидекша, также восходит к финно-угорским языкам, включая в себя формант -ль<ляй — ручей, речка. То есть Нерль — это река, вытекающая из озера Неро.

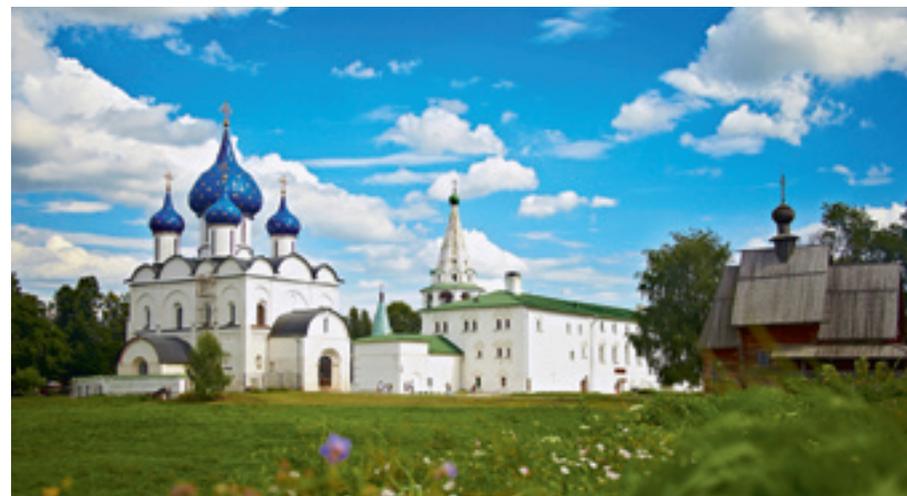

Решма. С двумя последними названиями связана весьма забавная народная легенда. Она гласит, что когда лихой казак Стенька Разин проплывал, надо полагать, в «расписных челнах», мимо этих мест вместе с печально известной княжной, та сначала молила, рыдая: «Реш мя», т. е. «зарезь меня». Но по прошествии некоторого времени её отношение к Степану Тимофеевичу изменилось, и она, плача, сокрушалась: «Кинеш мя» т. е. «покинешь меня». Конечно, в реальности ничего подобного не происходило, но объяснение романтическое.

Еще один топоним из числа вышеупомянутых — Шаболовка — известен очень широко. Название московской улицы, на которой расположена одна из редакций Российского телевидения, по предположению О. Б. Ткаченко, также имеет мерянские корни. Ранее уже говорилось, что Московская область входила в мерянские земли. Это бесспорно подтверждает археология — на территории Москвы и её окрестностей найдено и исследовано большое количество поселений дьяковской культуры. А носителями этой культуры бесспорно признаются финно-угорские, мерянские племена. И наименование улицы «Шаболовка», вероятнее всего, происходит от когда-то бывшей здесь мерянской деревни под названием Шабол. При постепенном обрусении мери имя деревни тоже обрусело, став Шаболовкой. Со временем деревня влилась в черту Москвы, оставив по себе память в названии улицы¹³.

Коснувшись названий московских улиц, невозможно не затронуть тему происхождения самого топонима «Москва». Как уже упоминалось выше, археологическими изысканиями доказана мерянская принадлежность почти всей территории Московской области, исключая некоторые западные районы. Здесь проживали балты, предки нынешних латышей и литовцев, пришедшие сюда задолго до славян. Они частично оттеснили местных финно-угров, частично смешались с ними. А в начале второй половины I тысячелетия сами были оттеснены на запад восточнославянскими племенами. Большинство исследователей объясняет происхождение топонима «Москва» из славянского «москы» и родственного балтского¹⁴ *mosk, mazg, mast*, имеющего значение «жидкий», «мягкий», «гнилой». Исходя из этого, Москва — «болотистая река». Но Подмосковье было заселено древними финно-угорскими племенами уже в I тысячелетии до н. э., и река не могла не иметь названия. Странно было бы предполагать, что пришедшие сюда вятичи, (именно эти восточнославянские племена, согласно «Повести Временных лет» *«сидевшие по Оке»*, осваивали бассейн Москвы-реки) застали безымянную реку и дали ей славянское наименование. Уместно считать, что река имела имя финно-угорского происхождения.

А. П. Афанасьев весьма обоснованно предполагает, что слово «Москва» восходит к древнефинно-угорскому языку, где «моск» — приток, «ва» —

Суздальский кремль

вода. Тогда «Москва» — река с притоками¹⁵.

Не менее убедительное объяснение даёт С. Г. Халиков, который выводит этот топоним из мерянского **moska* или **moška* — конопля (ср. совр. мордовское «мушка» — конопля, марийское «муш» — пенька), ссылаясь на данные Географическо-статистического словаря П. П. Семенова-Тян-Шанского, согласно которому часть Москвы-реки от истока до болота Москворецкая лужа называлась Коноплёвкой. С. Г. Халиков предполагает, что название Москвы-реки связано с дикорастущей коноплей, обработкой, которой занималось жившее по берегам реки финно-угорское население¹⁶.

Возвращаясь к проблеме древности и этничности русских городов, прежде

всего надо упомянуть Ростов. Ростов Великий, зародившийся как поселение не позднее IX века, — красивейший город, отразивший в своей архитектуре всё своеобразие русской культуры вообще, и северо-восточной в частности¹⁷... Он рос и развивался на берегу озера Неро, район которого был племенной территорией мери. Традиция приписывает его основание некоему легендарному Росту-Ростиславу, по имени которого он и был назван. История наименования не выяснена, но его славяно-русское происхождение несомненно. А неподалеку от озера Неро, которое по городу стало именоваться Ростовским, на реке Саре, в том месте, где она делает круглую петлю, вплоть до XI века существовало другое раннегородское образование, получившее

¹³ Ткаченко О. Б. Указ. соч. С. 308.

¹⁴ Топоров В. Н. Древняя Москва в балтской перспективе // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 3–61.

¹⁵ Афанасьев А. П. Финно-угорская гипотеза топонима Москва // Вопросы географии. 1985. № 126. С. 90 и след.

¹⁶ С. Г. Халиков. Что значит Москва? // Советское финно-угроведение. 1984. № 2. С. 129–131.

¹⁷ Хочется напомнить, что именно ростовский белокаменный кремль «сыграл роль» московского кремля времен Ивана IV в фильме «Иван Васильевич меняет профессию».

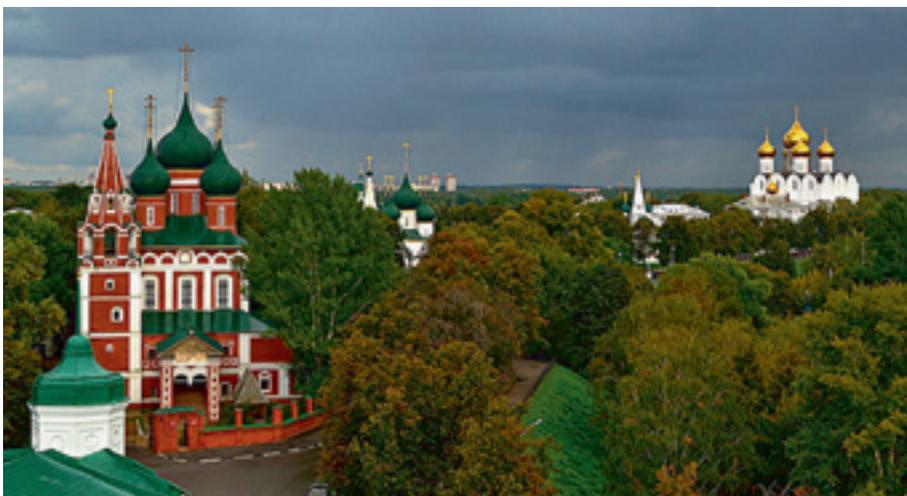
в исторической науке название Сарского городища. Оно зародилось в конце VII — начале VIII века как чисто мерянское поселение. Имея очень выгодное географическое положение, оно быстро развивалось, превращаясь из просто укрепленного поселения в поселение торгово-ремесленное, городское. В IX–X веках славяне активно вливаются в мерянскую среду, и население становится смешанным, но власть, вероятнее всего, остается местной, поволжско-финской. Это в условиях крепнущей древнерусской феодальной власти было недопустимо для славянских князей. Возникший в IX веке Ростов становится резиденцией русских князей и их опорным пунктом для дальнейшей феодализации этого края в противовес Сарскому городищу, жизнь в котором после усиления Ростова постепенно замирает.

Примерно такую же предысторию имеет не менее знаменитый Ярославль. Традиция дает ему в основатели Ярослава Мудрого, который, посещая те

Герб Ярославля

места, пришёл к поселению Медвежий угол. В то время население было уже смешанным, славяно-мерянским, но возникло это поселение как поволжско-финское. Легенда повествует о том, как местное население, будучи самостоятельным и, как бы сказали теперь, самодостаточным в сфере политики и экономики, весьма жестко сопротивлялось установлению княжеской власти, отнюдь в ней не нуждаясь, и покорило лишь тогда, когда

Ярославль

Ярослав поборол выпущенного на него медведя¹⁸. Здесь, вероятно, много вымышлено, но несомненно, что князь Ярослав, заинтересованный в феодализации этих земель, имел к городу своего имени непосредственное отношение.

*Медведь ярославский кудлатый
Шагает, как знамя, подняв
Секиру, которой когда-то
Убил его князь Ярослав.*

(В. Берестов)

В связи с этим стоит упомянуть ещё один город, в общественном представлении прочно связанный со всем русским хотя бы уже потому, что наш героический эпос называет именно его родиной любимого былинного героя Ильи Ивановича — это город Муром. Археологические данные бесспорно указывают на то, что город возник в плотном окружении селений ещё одного поволжско-финского племени — муромы. Муром, так же как и меря, вступив в контакт со славянами, осваиваемыми Нижнее Поочье, где она проживала, была ассимилирована. Город Муром, как и два рассмотренных выше, был заложен в среде муромы как форпост власти русских князей. Первоначальное население также было смешанным — славяно-муромским. Так

исчезнувший народ оставил память о себе в названии города.

Таким образом, старинные русские города, бесспорно, являясь русскими, тем не менее обязаны своим появлением городам нерусским, поволжско-финским, и самобытность этих городов формировалась на основе тесных межэтнических контактов. Эти контакты закончились полным исчезновением коренных обитателей Волго-Окского междуречья — они «растворились» в славянской среде. Но свои культурные и духовные достижения они передали древнерусскому, а в через него — и русскому народу...

Пытаясь ответить на вопрос о причинах исключительной роли Северо-Восточной Руси в отечественной истории, о том, почему именно она смогла стать средоточием и духовных, и государственных сил русского народа, объединить страну, дать отпор завоевателям, надо учитывать очень много аспектов: географический, экономический, политический. Здесь всё было важно, включая проблему роли отдельной личности в мировой истории. И вероятно, ответить однозначно не удастся. Астролог подытожил бы: «Так сошлись звёзды...». Может быть, и звёзды. Но в таком случае одна из этих звёзд — поволжско-финские народы...

¹⁸ Очень показательным, что в роли соперника Ярослава выступил именно медведь. Это животное уже давно ассоциируется во всем мире с образом России, иногда мудрым и сильным, иногда неконтролируемо жестоким, но неизменно требующим к себе уважения. Медведь был почитаем славянами, но, скорее всего, этот культ ещё в языческие времена перешёл к ним от мери, чьим тотемом и божеством был именно медведь. Следы медвежьего культа археологически подтверждаются находками глиняных медвежьих лап в поволжско-финских захоронениях; также имеются косвенные письменные и некоторые этнографические свидетельства.

А. С. Ерофеев, А. С. Зонин

ИМЕНИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПОДВОДНИКОВ

Санкт-Петербург по праву называют морской столицей России. И дело здесь не только и не столько в военных кораблях, которые ежегодно входят в Неву на День Военно-Морского Флота. Образованные, воспитанные и элегантные офицеры ВМФ вот уже более трёхсот лет придают городу особый шарм. Сегодня вообще трудно найти морского офицера, который не учился или не служил в Петербурге или хотя бы не побывал здесь. На протяжении трёх с лишним столетий начиная с Морского корпуса, основанного Петром Великим, в городе на Неве формировались и продолжают формироваться кадры российского флота. Здесь и по сей день находятся практически все высшие военно-морские училища, включая Военно-морскую академию, которую в XX веке закончили все выдающиеся отечественные флотоводцы и высшие офицеры.

В 1906 г. в Петербурге были созданы Подводные силы Военно-Морского Флота России. Спустя ровно сто лет на Рижском проспекте даже установили памятник в честь этого события. Разумеется, имена выдающихся героев-подводников увековечены и в городской топонимии.

Первая такая улица появилась в Ленинграде 16 января 1964 г., в период, когда в честь защитников Невской твердыни в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. называли новые проезды в кварталах массового жилищного строительства в Дачном. Это *улица Подводника Кузьмина* (ранее Оборонная улица, а перед тем — 1-я Шеферская).

Как стал подводником Павел Семёнович Кузьмин (1914–1943), уроженец города Грозного? В 1933 г. из Орджоникидзе (в то время так назывался Владикавказ), где работал машинистом на электростанции, он был направлен по комсомольской путёвке в Ленинградское высшее военно-морское училище (ВВМУ) имени М. В. Фрунзе, окончив которое спустя пять лет, начал службу на Балтийском флоте.

...В свой первый и последний боевой поход подводная лодка «Щ-408» под командованием капитан-лейтенанта П. С. Кузьмина вышла 7 мая 1943 г., а спустя две недели при попытке прорыва противолодочного рубежа у острова Вайндло в Финском заливе она получила серьёзные повреждения. Несмотря на то, что вокруг находилось много катеров финской береговой охраны, командир принял решение всплыть и вступить в бой с врагом.

На помощь «Щ-408» была послана авиация, однако пробиться к погибающей лодке наши лётчики не смогли. Более того, четыре самолёта оказались подбиты.

В завязавшемся бою моряки-подводники выстрелами из пушек сумели поразить два вражеских катера, но и сама подводная лодка получила множественные повреждения, потеряла плавучесть, опустилась на дно и на поверхности более не появлялась. Долгое ожидание врагов, что лодка всё-таки покажется и советские подводники сдадутся в плен, ни к чему не привело. Они предпочли героическую

смерть в водах Балтики, которая стала ей могилой.

Тогда, в обстановке военного времени, подвиг команды и командира «Щ-408» никак не был отмечен на Родине. Очевидно, что в результате неудачных операций 1943 г. на Балтийском море, приведших к большим потерям техники и живой силы, достойно награждать погибших, а тем более давать им звания Героев Советского Союза, высокое военное руководство было не расположено.

Конечно, имена героев-подводников, в том числе капитан-лейтенанта Павла Кузьмина, не забылись. И вот неожиданность: весной 2015 г. в Центральном архиве Военно-Морского Флота обнаружили награжденные документы на его имя! *«Божьей милостью король Великобритании, Ирландии и британских владений за пределами Британских островов, защитник справедливости и император Индии»* Георг VI **эдиктом от 19 января 1944 г.** присвоил Павлу Семёновичу звание почётного офицера ордена Британской империи (посмертно). Это единственная его награда.

Памятная доска в честь П. С. Кузьмина на доме № 4 по улице его имени была установлена в 1969 г. (авторы — А. Иванов и Р. Геллерштейн).

Другой знаменитый подводник, имя которого появилось на карте Санкт-Петербурга 14 сентября 1990 г. и тоже в Кировском районе, — Александр Иванович Маринеско (1913–1963).

Уроженец Одессы, он стал Героем Советского Союза только 5 мая 1990 г., посмертно, спустя 45 лет после прославившей его «атаки века», когда 30 января 1945 г. в Данцигской бухте подводная лодка «С-13», которой он командовал в звании капитана 3-го ранга, потопила девятипалубный германский

лайнер «Вильгельм Густлофф», переоборудованный под транспортное судно. Символично, что корабль пошёл ко дну не только в день рождения этого нацистского партийного лидера, убитого в 1936 г. в результате покушения и объявленного в Третьем Рейхе мучеником, но и в очередную годовщину прихода к власти Адольфа Гитлера...

В том же походе А. И. Маринеско в сложнейших боевых условиях 10 февраля 1945 г. потопил военный транспорт «Генерал фон Штойбен». Тоннаж обоих этих транспортов превышает срок тонн, что составило почти шестую часть потопленного на Балтике в годы войны.

За свои подвиги командир «С-13» был представлен к званию Героя Советского Союза, но заслуженной награды тогда не получил — вышестоящее командование заменило её орденом Красного Знамени. Причиной тому стали «подвиги» А. И. Маринеско на берегу. Впрочем, об этом уже много написано справедливого, а ещё больше несправедливого, хотя, как говорится, «из песни слова не выкинешь». Интересующиеся могут обратиться к многочисленным публикациям в периодической печати и, конечно, к книге Александра Крона «Капитан дальнего плавания» (1984). С неё, собственно, и началась борьба за восстановление доброго имени героического подводника.

В *улицу Маринеско* бывшая улица Строителей, на которой он жил в доме № 6, была переименована прямо на сессии Ленсовета, без обсуждения на заседании Топонимической комиссии Ленинграда и без соответствующего решения Ленгорисполкома. Тем не менее переименование было вполне законным, поскольку по тогдашнему законодательству депутаты имели возможность

принять к рассмотрению и решить любой вопрос самостоятельно, чем и воспользовались.

Помимо улицы Маринеско, в Санкт-Петербурге в честь героя установлены две мемориальные доски, открыт Музей подводных сил его имени, а в 2015 г. в безымянном сквере на углу проспекта Стачек и улицы Зайцева появился памятник тому, кого до сих пор называют «подводником № 1» (автор скульптуры — В. Бухаев).

Недалеко от Богословского кладбища, на котором похоронен Александр Иванович, у Музея подводных сил России имени А. И. Маринеско на Кондратьевском проспекте недолгое время существовал сквер Подводников. Название возникло стихийно, когда жители окрестных домов пытались защитить территорию от уплотнительной застройки. Не получилось. Тогдашний губернатор города Валентина Матвиенко объяснила, что официально никакого сквера в этом месте не существует, а находится здесь обычный внутриквартальный участок.

В сегодняшнем Петербурге имена героев-подводников носят ещё два новых соседствующих друг с другом проезда на Юго-Западе, в Красносельском районе: *улица Адмирала Коновалова* и *улица Капитана Грищенко*, получившие свои имена в один день 27 июля 2012 г. Так произошло отнюдь не случайно. В жизни этих морских офицеров объединяло боевое братство: оба они командовали легендарной лодкой «Л-3».

Уроженец села Голта Херсонской губернии (ныне часть города Первомайска) Пётр Денисович Грищенко (1908–1991), командовавший ею в начале Великой Отечественной войны, был к тому времени уже опытным подводником. 22 июня 1941 г. лодка «Фрунзе-

нец» встретила в Либаве (Лиепаяе). В тот же день был получен приказ о незамедлительном выходе в море командира бригады подлодок, отданный Николаем Павловичем Египко, впоследствии Героем Советского Союза (сейчас имя Н. П. Египко носит музей боевой славы подводников Балтики школы № 585 Кировского района Санкт-Петербурга).

Позже П. Д. Грищенко вспоминал, что поразился идее «комбрига Египко идти <...> в логово врага и закупорить его». Подлодку «Л-3» буквально забрасывали бомбами, но умелыми манёврами командир спас её и экипаж. Возвратиться в Либаву было невозможно — её уже заняли фашисты, а перед Таллинским портом «Л-3» чудом не подорвалась на наших же минах, о которых подводникам то ли не успели, то ли забыли сообщить.

Из Таллина — снова в логово врага, в Данцигскую бухту, где предстояло выставить заграждения на путях движения врага, выявленных разведкой. Задача была успешно выполнена.

С начала войны по март 1943 г. экипаж подлодки «Фрунзенец» совершил немало ратных подвигов. Были потоплены больше десяти вражеских кораблей и судов, в том числе такие крупные, как пароход «К. Ф. Лильевальш» водоизмещением свыше 5,5 тысячи тонн и военный транспорт «Гинденбург» — почти 7,9 тысячи... Сегодня трудно представить себе, как подводные лодки вообще осмеливались выходить в Балтику из блокадного Ленинграда.

Самым знаменитым боевым походом «Л-3» можно считать, пожалуй, операцию 1942 г., о которой мы знаем благодаря «пассажиру» — писателю и капитану 3-го ранга Александру Ильичу Зонину (1901–1962). Пётр Грищенко слыл человеком общительным и дру-

жил со многими писателями блокадного Ленинграда. Бывала на лодке и сама Ольга Берггольц, написавшая даже песню о балтийских подводниках.

А. И. Зонин входил в оперативную группу писателей при политуправлении Балтийского флота и потому смог добиться разрешения на участие в боевом походе. В походе из Кронштадта в южную часть Балтийского моря и обратно он вёл дневник, благодаря которому известно обо всех перипетиях этого плавания. На основе своих записей в 1944 г. в Ленинграде писатель выпустил книжку «Две тысячи миль под водой» из которой военная цензура, естественно, вырезала всё, что могла. В полном объёме, как считается, дневник был опубликован лишь в 1975 г. в книге Зонина «Морское братство».

Поход на «Л-3» длился 49 дней. По его завершении командир подводной лодки Пётр Грищенко был представлен к званию Героя Советского Союза, Александр Зонин — ко второму ордену Красного Знамени, но судьба распорядилась иначе. Замполит лодки, выведенный в «походном дневнике» Зонина под фамилией Долматов, вместе со своим отчетом представил в политотдел заодно и донос на командира и его друга писателя. П. Грищенко обвинялся в том, что стрелял торпедами залпом (если бы, мол, по одной — число потопленных транспортов могло быть больше). А Зонин — в том, что критиковал командование. Как ни удивительно, награды, пусть и не столь высокие, и тот, и другой тогда всё-таки получили.

В марте 1943 г. подводному минному заградителю «Л-3» было присвоено звание гвардейского, и в том же месяце командиром подлодки стал старпом корабля В. К. Коновалов, а Грищенко перевели на штабную должность.

9 августа 1942. Слева направо: писатели А. Крон, А. Зонин и поэт В. Азаров. «Кучер» — командир «Щ-320» Калашников. Фото из архива А. С. Зонина

Владимир Константинович Коновалов (1911–1967) родился на Украине, в селе Надёжном нынешнего Гуляйпольского района Запорожской области. Как и большинство офицеров советского Военно-Морского Флота, он окончил ВВМУ имени М. В. Фрунзе в Ленинграде. С 1936 г. служил на Черноморском флоте, в ноябре 1940 г. получил назначение помощником командира подводной лодки «Л-3».

Под командованием Владимира Константиновича экипаж «Л-3» воевал до конца войны, и 8 июля 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования, личное мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии капитану 3-го ранга В. К. Коновалову было присвоено звание Героя Советского Союза. Ходовая рубка подводной лодки теперь установлена в Москве на Поклонной горе.

После войны В. К. Коновалов занимал различные начальственные должности в военных училищах и штабах.

В мае 1966 г. ему было присвоено звание контр-адмирала. П. Д. Грищенко дослужился только до капитана I ранга. После войны он писал книги, научные трактаты. Как это нередко случается, его любили подчинённые, флотская молодёжь, но едва выносили большие начальники. Многие его бывшие под-

чинённые достигли высоких постов и званий, стали Героями Советского Союза. Он — нет. Но его подвиги народ будет помнить, и залогом этому — названная в честь него улица.

Во Фрунзенском районе на улице Турку, в средней школе № 201, уже несколько лет открыт общественный музей подводной лодки «Л-3». Как того требуют морское братство и флотские традиции, на стенах небольшого помещения висят портреты не только всех членов её экипажа, но и их близких друзей — Ольги Берггольц и Александра Зонина. Роль председателя общественного совета музея успешно исполняет сын бывшего командира подводника Марк Владимирович Коналов — бравый 80-летний капитан 1-го ранга в отставке. Ежегодно в музее собираются потомки тех, кто воевал на лодке, и другие ветераны Российского флота. Они приходят в музей с удовольствием, потому что им есть о чём вспомнить.

В музее «Л-3» на улице Турку. 2016 г.
Фото А. С. Зонина

Е. Б. Белодубровский

ПОЕДЕМ В ЦАРСКОЕ СЕЛО!..

Николай Павлович Анциферов

Да — говорил Белинский, — и на нашей улице будет праздник! Просветлела моя жизнь, точно тяжёлый камень сняли у меня с груди. Теперь я опять почувствовал энергию к работе, в моей голове снова прояснилось...

Из воспоминаний Авдотьи Панаевой

Прах мой вином окропи и маслом пахучего нарда, Путник, и пурпурных роз капни бальзам на него! Вечную мне весну дарует слез чуждая урна:

Я только жизнь изменил, но не покончил я жить! Радость жизни бывлой ни одна для меня не погибла, Вершишь ли ты, что я всё помню иль всё позабыл.

Децим Магн Авсоний

...былое есть не тяжкий груз на плечах человечества, мешающий ему в пути, — прошлое внутри нас живёт, и живёт наш дух в его устремлении к участию в творческом создании грядущего.

Н. П. Анциферов

В августе 2013 года в наш город пришла замечательная и долго ожидаемая весть — по постановлению Правительства Санкт-Петербурга в городе Пушкине появилась и наконец-то начала застраиваться жилыми домами улица, получившая название «Анциферовская». А это значит, что в паспорта жителей новой улицы будет вписано имя их знаменитого земляка — Николая Павловича Анциферова, замечательного ученого-историка, краеведа, педагога, писателя и одного из самых светлых и достойных людей нашего совсем недавнего прошлого. Это стало для меня, для моих коллег и товарищей, а также, смею надеяться, для многих жителей Петербурга и Пушкина большой радостью.

Николай Павлович жил в Царском (тогда Детском) Селе с 1922 по 1929 г. и, как писали адреса в далекие пушкинские времена, «жительство имел» на улице Революции (ныне Малой), которая находилась не так уж далеко от того места, где ныне обживается улица Анциферовская. Здесь в доме № 14 Николай Павлович завершил свои первые и главные книги о Блоке, Тургеневе, Герцене...

В 1922 г. по осени увидела свет его «Душа Петербурга» — едва ли не самая трогательная, торжественная, поэтическая, нежная и печальная книга

о нашем родном городе на Неве. Это поэтический гимн городу, заложенному и задуманному назло Москве грозной волею Императора Петра Великого, воспетому Пушкиным, давшему бессмертие героям петербургских романов Толстого, Достоевского и вдохновившему многих поэтов — Некрасова, Блока, Анну Ахматову, Осипа Мандельштама, Ольгу Берггольц...

Отсюда же, из Царского, начался многолетний мученический путь Анциферова — путь узника ГУЛАГа, который он прошёл с достоинством и честью, ни

на йоту не изменив ни себе, ни идеалам подвижничества, ни своему ремеслу историка и педагога. Выстоять ему помогла также гениальная способность (что особо обескураживала и приводила в бешенство его тюремщиков и следователей) — пробуждать в людях, окружавших его, тем более оказавшихся в неволе, «дум высокое стремленье».

Шутка сказать — Николая Павловича трижды арестовывали, ссылали, пересылали, таскали по лагерям, гнобили на этапах, мучили на допросах. И он выстоял! Вот масштаб личности, вот, говоря словами поэта, «делать жизнь с кого», товарищи потомки, новые жители новой улицы, носящей отныне его имя.

Однако на картах Петербурга и Царского Села с давних пор (с гордостью и с полным основанием) начертаны имена героев вышеназванных книг Н. П. Анциферова (иль «с благодарностию были» — улицы Герцена и Гоголя) а вот его собственного имени до сих пор не было. Почему, спрашивается? Разве он заслуживал этого меньше, чем иной уважаемый космонавт, учёный, маршал, революционер-рабочий (или, словами Пушкина, «академик, и герой, и мореплаватель, и плотник» — и почти все они на карте города есть)?

Разные могли быть тому причины.

В советское время, конечно, — политические, идеологические. Хотя, казалось бы... **С осени 1933-го (с перерывом на повторный арест и высылку 1937 г.)** Николай Павлович Анциферов постоянно живет в Москве и неоднократно ездит в Ленинград, Киев, Харьков с лекциями, навещает друзей и учеников, как штатный научный сотрудник Государственного литературного музея участвует в организации выставок и музейных экспозиций, посвященных Пушкину, Лермонтову, Радищеву, Герцену, Достоевско-

му, Ломоносову. Среди учёных и коллег по музею он — профессор (именно так упрямо величали его повсюду ученики и коллеги, не зная, что Николай Павлович в 1921 г. был-таки избран профессором Туркестанского университета по кафедре всеобщей истории, но до Самарканда из-за болезни жены так и не добрался...). В эти же вольные годы Николай Павлович успешно защищает кандидатскую диссертацию. И настолько успешно, что по предложению профессора и пушкиниста Б. В. Томашевского речь даже шла о присуждении ему сразу степени доктора исторических наук вместо кандидатской. Но до этого дело не дошло; правда, в Союз писателей СССР и в члены Литфонда в 1943-м его всё-таки приняли.

Короче, во все остававшиеся ему два десятка лет жизни трудился Николай Павлович, не покладая рук, на своей научно-просветительской ниве, трудился «торжественно и трудно» (как ответил он однажды этой строкой Анны Ахматовой на вопрос одного из учеников о своем житье-бытье). В 1958 г. Николай Павлович умер на руках своей жены и соратницы Софьи Александровны Гареиной — ушёл из земной жизни, безупречно и с лихвой выполнив свой долг, свою миссию перед людьми и страной. По воспоминаниям современников, проститься с ним пришла чуть ли не половина учёной Москвы.

И тем не менее советская власть, даже поздняя, с недоверием относилась к тем, кто когда-то считался перед ней виноватым, пусть и незаслуженно. Так что для неё Николай Павлович так и оставался бывшим зэком, врагом народа, политзаключенным, соловецким узником и прочее.

Характерный пример: в 1970-е гг. родственникам Виталия Валентиновича Бианки (кстати, доброго знакомого

Николая Павловича) отказали в просьбе установить мемориальную доску на фасаде дома на 3-й линии Васильевского острова, где он жил и творил в последние годы. Писателю припомнили, что в 1916 г. он юнкером в Царском Селе состоял в охране государя императора и впоследствии был даже членом кадетской партии.

После 1991 г. причину следует искать в другом. Мне её подсказали знакомые шведские коллеги. Как известно, после каждого присуждения Нобелевской премии в Стокгольме вновь и вновь возникает вопрос: почему так редко Нобелевскую премию получают представители нашего отечества (всего 19 раз за сто с лишним лет). И всякий раз следует один ответ: из России почти нет предложений, хотя все знают, что у вас много выдающихся личностей. Предложите, дайте сигнал!

На самом деле с «нобелевкой» всё не так просто, да и масштабы разные. Но в нашем случае вполне возможно, что за почитанием и признанием «трудов и дней» Николая Павловича никто не догадался совершить простое действие — подать заявку в нашу городскую Топонимическую комиссию, работающую тогда при первом мэре Петербурга Анатолии Собчаке активно, надёжно и авторитетно.

Между тем сегодня активно изучается богатейшее творческое и эпистолярное наследие Николая Павловича: рукописи, статьи, письма... Неоднократно переиздана «Душа Петербурга», включая репринт. В 1987 г. в Ленинграде прошла первая международная конференция, посвященная жизни и творчеству Николая Павловича. Преогромное это было событие, прозвучавшее тогда ещё и как провозвестник перемен, символ нового мышления. Регулярно в Москве в Ин-

ституте мировой литературы (ИМЛИ) проводятся «Анциферовские чтения».

В 1992 г. были опубликованы мемуары Николая Павловича под названием «Из дум о былом», подготовленные к печати литературоведом Александром Иосифовичем Добкиным при активном участии Арсения Борисовича Рогинского. Это был настоящий праздник.

И вот сейчас перед вами — ещё один «праздник на нашей улице» (счастливым совпадающий с открытием Анциферовской улицы в Царском) — новая книга Николая Павловича. Это публикуемый в полном объеме текст кандидатской диссертации Николая Павловича Анциферова, подготовленный к печати заведующей отделом рукописей ИМЛИ, исследователем биографии и творчества Анциферова — Дарьей Сергеевной Московской (это уже второй её капитальный труд, посвященный Николаю Павловичу).

Но на самом деле (и вы убедитесь в этом с первых страниц) перед вами нами не традиционный научный труд, составленный, как принято, строгим, сухим языком и пересыпанный специальными терминами «для немногих» — нет, это путешествие вместе с автором, Николаем Павловичем Анциферовым, в мир поэзии, искусства слова, описанное интересно и доступно, это шедевр русской классической критико-лирической прозы.

Для названия нового, существенно дополненного издания этой книги составители избрали строку из стихотворения греческого поэта Децима Магния Авсония (ок. 310–394) «Эпитафия на могиле человека счастливого» *«Радость жизни былой...»* (перевод В. Брюсова). Эти слова, приведенные Николаем Павловичем в письме своему другу и любимому ученику, тенишевцу Георгию Александровичу Штерну, в декабре

1941-го, воистину могут служить девизом ко всей его жизни и трудам...

Вместе с тем это настоящий учебник литературы. Автор показывает, как нужно читать основополагающие книги великих писателей, как через тему урбанизма можно сформировать своё мировоззрение, как постигнуть глубину человеческих переживаний, связанных с драматизмом жизни большого города. Автор словно говорит нам: читайте — и обрящете! Чем, скажите, не праздник?

Ну, а с улицей Анциферова надо было что-то предпринимать. И вот в сентябре 2010 г. я на очередном заседании координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных (где состою уже более десяти лет), припомнив «шведский синдром», выступил перед коллегами-учёными с личной инициативой: обратиться от нашего содружества в Топонимическую комиссию Санкт-Петербурга с предложением присвоить имя Н. П. Анциферова одной из улиц нашего города, то есть сделать наконец тот самый первый шаг.

И тут же получил поддержку. Вскоре были выправлены все необходимые документы, составлена заявка, библиографический очерк, поставлены подписи наших сопредседателей Союза учёных, и всё вместе отправлено заказным письмом в Топонимическую комиссию на улицу Рубинштейна. Затем были опубликованы две пространных публицистических статьи в защиту нашей идеи — как в самом «Топонимическом журнале», так и в главной городской газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Но прежде возможен вопрос: почему именно мне пришла в голову эта простая идея? Отвечаю без всякого пафоса и бахвальства: отдаю долг. Ещё с юных лет одной из моих настольных книг

были «Былое и думы» Герцена в издании «Школьная библиотека». Мне уже доводилось рассказывать об этом в другом месте, добавлю лишь: эта книга отличается тем, что она написана «от первого лица». То есть любой читатель мог легко представить себя в тех же «предлагаемых обстоятельствах», а всё новое, незнакомое, чем был обильно насыщен роман Герцена, — иноязычные термины, даты, названия стран и малых городов, хроника исторических событий, всевозможные битвы, короли, императоры — свободно добывалось из обширных примечаний, автором которых как раз и был Николай Павлович Анциферов.

Вот навскидку два примера, судите сами:

Герцен (стр. 38) «... когда я думаю о том, как мы двое <второй — Н. П. Огарев> теперь, под пятьдесят, стоим за первым станком русского вольного слова, мне кажется, что наше ребячье Грютли на Воробьёвых горах было не тридцать три года назад тому назад, а много — три».

Анциферов: «Грютли — название долины на берегу Фирвальштетского озера в Швейцарии, где согласно легенде в начале XIV века предстали кантонов Ури, Швина и Унтервальдена принесли клятву бороться за освобождение родины».

Герцен (стр. 48): «... я же никогда не любил вещей, бугор собственности и стяжания не был у меня развит ни в какой возраст...»

Анциферов: «бугор собственности и стяжания — по буграм на черепе во времена Герцена определялись способности человека согласно модной в то время «науке», называемой френологией. Относился всегда насмешливо к этому лжеучению».

Эти примечания и их составитель запомнились мне на всю жизнь, что во многом определило мою дальнейшую судьбу литературного старателя.

Вернемся к заявке. Сделав всё положенное, её податели посчитали, что всё идет своим чередом: губернатор подпишет, бумажка станет действием. Но не тут-то было. Один из членов городской комиссии, мой добрый доверительный друг и коллега-журналист, большой знаток истории топонимии Петербурга, сразу же дал мне понять: рассчитывать, что такую улицу найдут в черте города, не следует, всё уже расписано (то есть поименовано) на годы вперед, учитывая и новые градостроительные проекты.

Стало непонятно, что делать дальше. Сколько ждать и где искать помощи. Никто вроде не против, всё решено окончательно, обжалованию не подлежит, а главного — самой улицы — нет как нет, и неизвестно, будет ли...

В этой ситуации оставалось следовать формуле Булгакова: ничего не просите у сильных мира сего, сами придут и всё дадут. Так и получилось: не прошло и трёх лет, как улица Анциферовская появилась именно в Царском Селе (ныне Пушкине), где она по справедливости и должна быть.

Отныне можно надеяться, что когда-нибудь в маршруты ежедневных многолюдных экскурсий по городу Пушкину будет включен новый объект — улица, на которой экскурсоводы будут рассказывать туристам о человеке, чьё имя она носит.

Здесь самое время сказать, что сам Николай Павлович был не только крупным теоретиком, но и блестящим практиком экскурсионного дела, считавшим его важной частью историко-культурного просветительства. Случа-

лось ему быть гидом и у людей, весьма просвещенных в исторических вопросах. Об этом малоизвестном факте участникам мемуарного «анициферовского» вечера в августе 2010 г. стало известно от петербургского профессора-медиевиста Владимира Ивановича Мажуги.

В 1928 году в тогдашнюю советскую Россию с научными целями приехал выдающийся французский историк Шарль Ланглуа, генеральный директор архивов Франции. Сопровождающий гостя от имени правительства академик Е. В. Тарле после окончания деловой части решил показать уважаемому профессору с супругой Детское Село и Лицей, а в качестве «Вергилия» пригласить Николая Павловича Анциферова. О чём беседовали два замечательных историка, прогуливаясь по аллеям Царского, мы теперь уже не узнаем — никого из участников прогулки в живых не осталось. Через год, в июне 1929-го, Шарль-Виктор Ланглуа скончался в Париже, а Николай Павлович чуть ли не в тот же день отправился из Детского Села в первое подневольное странствие по допросам и лагерям.

Но жизнь всё расставляет по своим местам. Через десятки лет он вернулся сюда табличкой на фасаде дома по Анциферовской улице. И теперь, когда мы год от года, от письма к письму Николая Павловича к родным, друзьям, ученикам и коллегам, от книги к книге приближаемся к этой светлой личности, я вспоминаю слова знаменитого французского остроумца и писателя Мельхиора де Воюэ:

«Не является ли сама жизнь главной, незаменимой данностью для литературного труда, которой все остальные не могут даже подражать».

ФЁДОР АБРАМОВ: ПРИТЯЖЕНИЕ ИМЕНИ

В 2010 г. в исторической местности Парнас в Выборгском районе Санкт-Петербурга появилась новая улица, названная в честь писателя Фёдора Александровича Абрамова, автора тетралогии «Братья и сестры», повестей «Вокруг да около», «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька» и других произведений. Разумеется, это наименование присвоено отнюдь не случайно. Знаменитый писатель родился в далёком селе Веркола Архангельской области, но почти всю жизнь — с 1938 по 1983 г. (с единственным перерывом в 1942–1945 гг.) — прожил в Ленинграде.

Выдающееся значение творчества Фёдора Абрамова признавали уже его современники. Улицы, названные в честь писателя, давно существуют на его родине¹, однако не следует думать, что увековечение в Петербурге произошло с запозданием. На карте города, в котором существует множество памятных мест, связанных с жизнью и творчеством Фёдора Абрамова, его имя появилось значительно раньше.

В противоположной стороне Петербурга, в исторической местности Щемиловка в Невском районе на Ивановской улице, находится библиотека имени Фёдора Абрамова, названная так 25 февраля 2000 г. Удивительным, но вовсе не случайным образом притянула она к себе имя писателя в год 80-летия со дня его рождения.

Дело в том, что по инициативе его вдовы Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой, всецело поддерживаемой литературной общественно-

стью города, в преддверии того юбилея в память о писателе решили назвать одну из тех городских библиотек, о которых было известно, что в своё время в них проходили его встречи с читателями. Л. В. Крутикова-Абрамова взяла на себя труд посетить и осмотреть все эти библиотеки. В результате её выбор пал именно на библиотеку № 2 Центральной библиотечной системы Невского района.

Документальным подтверждением того, что именно в этом помещении Фёдор Абрамов выступал 25 ноября 1970 г., стала его дневниковая запись:

«Встреча с читателями в библиотеке Невской заставы. Я — известен. Были вопросы о Солженицыне. А удовлетворения большого нет. Не потому ли, что я был излишне откровенен?!»²

В архиве библиотеки нашлась и любительская фотография с этой встре-

¹ В 1992 г. в улицу Фёдора Абрамова была переименована часть Советской улицы в деревне Веркола. В 1995 г. в улицу Фёдора Абрамова была переименована Советская улица в райцентре Карпогоры, где будущий писатель в 1938 г. окончил среднюю школу.

² Впервые факсимильно запись воспроизведена в кн.: Дело книжному верны: из истории библиотек Невского района: Сб. ст. / Отв. ред. Л. М. Огнева. СПб., 2015. Вкл. между с. 64 и 65 (подпись: «Текст предоставлен Л. В. Крутиковой-Абрамовой и Г. Г. Мартыновым из неопубликованного ранее семейного архива»).

чи, сделанная книголюбом Аркадием Файвишевичем Векслером — ныне известным краеведом, автором многочисленных изданий по истории Петербурга.

После того как Администрация Санкт-Петербурга по представлению городской Топонимической комиссии утвердила своим решением присвоение библиотеке имени Фёдора Абрамова, началось притяжение обратное. Сразу же возникла традиция проведения ежегодных Петербургских Абрамовских встреч (в последний день февраля или первый день марта, поскольку писатель родился 29 февраля), торжественного мероприятия в день его памяти (14 мая). С каждым годом в библиотеке стало появляться всё больше его друзей и почитателей: писателей, художников, издателей, редакторов, режиссёров, преподавателей вузов — тех, кто ещё помнит Фёдора Абрамова живым, партнёров по совместной работе с Л. В. Крутиковой-Абрамовой, просто читателей.

Безусловно, самые почётные гости для всех сотрудников и посетителей библиотеки — это вдова писателя и Галина Михайловна Абрамова, его племянница. Регулярно бывают в библиотеке и другие его родственники и земляки — представители Архангельской, Ярославской, Нижегородской, Псковской, Новгородской областей, зарубежные гости.

Имя Фёдора Абрамова предоставляет всё новые и новые возможности, постоянно рождает свежие творческие идеи и проекты.

С первых же дней после присвоения имени писателя приоритетным направлением работы библиотеки стали сбор и систематизация его творческого наследия, литературы о нём, всемерная

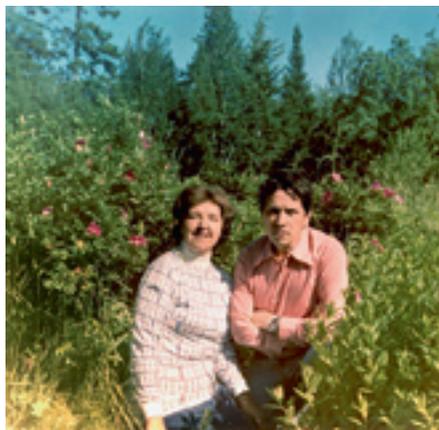
популяризация его жизни и деятельности. Немногим более полутора десятилетий прошло с тех пор — и вот уже сформирован отдельный постоянно пополняемый Абрамовский фонд. В настоящее время он составляет около четырёх тысяч документов или их копий, в том числе на национальных языках народов бывшего СССР и на иностранных языках. Полностью собраны все прижизненные издания и публикации Фёдора Абрамова на русском языке, почти с исчерпывающей полнотой — его посмертные публикации.

Особое значение Абрамовскому фонду придаёт то, что в нём содержатся рукописи и личные вещи писателя, переданные разными лицами, прежде всего Л. В. Крутиковой-Абрамовой, которой принадлежит выдающаяся роль в сохранении памяти о Фёдоре Абрамове на протяжении последних тридцати с лишним лет.

Спустя год после присвоения имени писателя в библиотеку пришли члены только что созданного тогда в Петербурге архангельского землячества «Поморье». В результате многолетнего сотрудничества с ними в Абрамовском фонде появился специальный отдел «Поморье — родина Фёдора Абрамова», включающий много редких изданий о Емецке, Вельске, Холмогорах и других местностях Архангельского Севера. Конечно, самые тесные связи библиотека поддерживает именно с Архангельском и Архангельской областью: Литературно-мемориальным музеем Фёдора Абрамова в Верколе, Карпогорской центральной районной библиотекой имени Фёдора Абрамова, Архангельской областной научной библиотекой имени Н. А. Добролюбова, где организован мемориальный кабинет Ф. А. Абрамова, редакцией архангельского

Фёдор Александрович Абрамов

С супругой Л. В. Крутиковой-Абрамовой

литературно-художественного и общественно-политического журнала «Двина», с другими учреждениями и организациями, в том числе школами.

Для библиотеки в Петербурге очень важно, что, будучи уроженцем русского Севера, Фёдор Абрамов, по сути, всё же ленинградец. Приехав сюда в восемнадцать лет, он учился здесь в университете, добровольцем ушёл на фронт после третьего курса, был дважды тяжело ранен, лечился в блокадных госпиталях, эвакуировался по Дороге жизни. После войны, закончив учёбу в университете, он защитил кандидатскую диссертацию и несколько лет здесь же преподавал, став доцентом и заняв должность заведующего кафедрой советской литературы филологического факультета. Перейдя на профессиональную писательскую работу, создал в Ленинграде все свои произведения. Здесь же он и скончался.

О неразрывной связи Фёдора Абрамова с городом на Неве свидетельст-

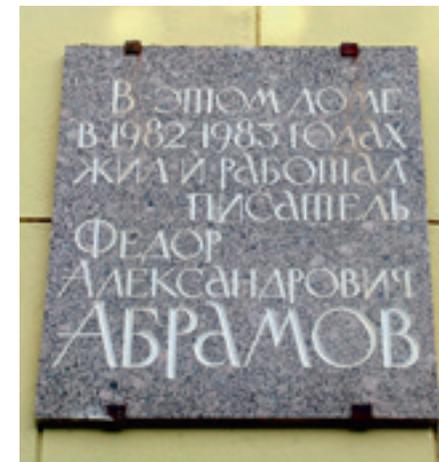
вуют многочисленные воспоминания ленинградских и петербургских писателей, деятелей искусства, науки, культуры. В своё время была опубликована лишь часть из них³, ещё больше осталось разбросанными по периодическим и продолжающимся изданиям, книгам или вообще до сих пор не напечатана.

Именно поэтому с самого начала формирования Абрамовского фонда особое внимание уделяется сбору материалов, освещающих ленинградскую тему в жизни и творчестве писателя. Это позволило в 2012 г. создать в библиотеке мемориальную экспозицию «Фёдор Абрамов в Ленинграде», в центре которой сейчас находится переданная Л. В. Крутиковой-Абрамовой пишущая машинка. Именно на ней Фёдор Абрамов зимой 1983 г. начал работать над «Чистой книгой» — грандиозным романом-эпопеей из жизни страны начиная от предреволюционных лет, через революцию и Гражданскую войну вплоть до

коллективизации и репрессий 1937 г., возможно, даже до начала Великой Отечественной войны. Материал для неё он неустанно собирал четверть века, но так и не успел использовать его в полной мере...

Один из главных разделов экспозиции раскрывает тему взаимоотношений писателя и ленинградских художников, со многими из которых Фёдора Абрамова связывала тесная многолетняя дружба. Так, ближайшим его другом с конца 1945 г. и на всю жизнь стал художник Фёдор Фёдорович Мельников (1920–2003). Основу представленных экспонатов отдела «Фёдор Абрамов и ленинградские художники» составляют альбомы с собственноручными дарственными надписями народных художников СССР Михаила Аникушина, Евсея Моисеенко, Андрея Мыльникова, переданные Л. В. Крутиковой-Абрамовой из личной библиотеки.

Кстати, об одном любопытном совпадении. Дом № 14, в котором находится библиотека имени Фёдора Абрамова, как и весь единый архитектурный ансамбль Ивановской улицы, возводился в 1930-х гг. (сама улица появилась значительно раньше⁴) по проекту архитекторов И. И. Фомина и Е. А. Левинсона. Первый из них проектировал и дом № 1 на Мичуринской улице, в котором в последние месяцы жизни в 1982–1983 гг. жил Фёдор Абрамов. В 1992 г. на стене этого дома появилась мемориальная доска работы Т. Н. Милорадович⁵, впервые увековечившая имя писателя в Санкт-Петербурге. Не гений ли места — **genius loci, постоянный спутник**

Мемориальная доска на Мичуринской ул., 1

писателей и архитекторов — проявил себя в этом случае?..

Значительную часть Абрамовского фонда и мемориальной экспозиции составляет тема «Фёдор Абрамов и ленинградские театры». Как известно, первый спектакль по его произведению — роману «Две зимы и три лета» — был поставлен в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола режиссёром Олегом Овечкиным (преьера состоялась 1 июня 1971 г.). Затем появились спектакли на сценах Алма-Аты, Москвы (в Театре на Таганке у Юрия Любимова), Архангельска, Фрунзе, Саратова...

Важнейшее же значение имеет творческое сотрудничество писателя с прославленным ныне Санкт-Петербургским Малым драматическим театром — Театром Европы под руководством Льва Додина. Здесь в его постановке 15 мая 1980 г. состоялась премьера спектакля

³ См.: Воспоминания о Фёдоре Абрамове: [сб.] / Сост.: Л. В. Крутикова-Абрамова, А. И. Рубашкин. М., 2000.

⁴ См.: Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 167.

⁵ Мемориальные доски Санкт-Петербурга: справочник / Сост.: В. Н. Тимофеев, Э. Н. Порецкая, Н. Н. Ефремова. СПб., 1999. С. 252.

«Дом», а 9 и 10 марта 1985 г. — сценической дилогии «Братья и сестры», которая стала одним из крупнейших событий мирового театра XX века. Также на малой сцене МДТ с 12 ноября 2011 г. идёт моноспектакль «Бабилей» (по названию одного из рассказов Фёдора Абрамова).

Театральные материалы Абрамовского фонда — это многочисленные афиши, программы спектаклей, рекламные листовки, фотографии, видеозаписи, книги, газеты и журналы с публикациями о постановках и гастролях в разных городах и странах.

В последнее время появилась возможность использовать материалы библиотечного собрания в общегородских мероприятиях и научно-исследовательской работе. Так, в 2015 г. отдельные мемориальные предметы или их копии были представлены на выставке «Комаровские автографы», проходившей в рамках XII Международного литературного фестиваля «Петербургские мосты»⁶, и на выставке «12 стульев ленинградских писателей», организованной Санкт-Петербургским Государственным литературным музеем «XX век»⁷.

В том же году вышла из печати первая книга фундаментальной «Летописи

жизни и творчества Фёдора Абрамова», подготовленной Г. Г. Мартыновым⁸. По утверждению самого автора, библиотека имени Фёдора Абрамова «обладает наиболее полным собранием печатных документов, связанных с писателем, его временем и его окружением»⁹. В результате целесообразным оказалось положить в основу данной работы материалы именно Абрамовского фонда.

Разумеется, всё это значительно повышает значимость собрания, сложившегося в библиотеке имени Фёдора Абрамова, для профессиональных историков русской литературы второй половины XX века.

В 2020 г. общественность страны — конечно, не только литературная — готовится отметить 100-летие со дня рождения Фёдора Александровича Абрамова. Уже создан юбилейный оргкомитет, в состав которого вошли представители Архангельской области, Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе сотрудники петербургской библиотеки имени Фёдора Абрамова. Надеемся, что к этой дате полностью выйдет из печати не только «Летопись», но и другие публикации, отражающие многогранность и глубину его творчества, а на карте страны появятся новые объекты, названные его именем.

⁶ Щербак-Жуков А. Снова в Комарово: прошёл XII Междунар. лит. фестиваль «Петербургские мосты» // НГ Ex libris. 2015. 9 июля. С. 1.

⁷ 12 стульев ленинградских писателей: Выставка 31.10–29.11.2015: [буклет] / Гос. лит. музей «XX век». [СПб., 2015].

⁸ Мартынов Г. Г. Летопись жизни и творчества Фёдора Абрамова, 1920–1983. Кн. 1. 1920–1958 / Науч. ред. А. Г. Тимофеев. СПб., 2015.

⁹ Там же. С. 8.

НОВЫЕ КВАРТАЛЫ ДАЧНОГО НА СТРАНИЦАХ ЛЕНИНГРАДСКИХ ГАЗЕТ 1960–1970-Х гг.

НОВОСЁЛЫ ЕДУТ В ДАЧНОЕ

Посёлок Дачное — городская окраина. Одноэтажные деревянные домишки в три оконца. Огороды. Сады... Так было ещё несколько лет назад. «Живу в Дачном» — это означало: «в межсезонье пробираюсь размытыми просёлочными дорогами», «трачу на дорогу от дома до работы час-полтора, а то и два».

Помнят ленинградцы и другое Дачное. В годы войны здесь проходила линия обороны <...>. Здесь, на ближних подступах к городу, сражались герои. Здесь был остановлен враг.

Сегодняшнее Дачное — словно памятник тем, кто пролил кровь, защищая город. Просторные магистрали, застеклённые витрины магазинов, молодые деревца, стрелы кранов... И конечно, новосёлы. Не успевают заселить один дом, как грузовики с вещами «причаливают» к следующему.

Уже сегодня наряден проспект Героев — центральная магистраль Дачного. <...> Среди пятиэтажных корпусов выделяются высотные здания в девять этажей. Три из них уже приняли новосёлов, вот-вот будут закончены и остальные. А по другую сторону проспекта со временем встанут дома в 16 этажей. Всего в этом районе вырастет более десяти таких точечных зданий. С верхних их этажей откроется великолепная панорама Финского залива.

Сам же проспект пока упирается в железнодорожное полотно. Стальные пути мешают магистрали соединиться с улицей, идущей навстречу, из Московского района. Но скоро проспект Героев «нырнёт» под линией железной дороги в тоннель и выйдет к Ново-Измайловскому проспекту и далее — к зданию бывшего Дворца Советов. Он станет частью самой протяжённой магистрали нашего города — Центральной дуговой.

Жилые дома, новая школа, ещё одна поликлиника, крупнейший в городе универсам «Детский мир», а скоро «Дом мебели» и широкоэкранный кинотеатр... Ещё два-три года, и от пригородного посёлка Дачное не останется и следа...

З. Фёдорова
Ленинградская правда. 1965. 22 января

Первый квартал Дачного. Осень 1964 г.

<НОВЫЕ КВАРТАЛЫ ДАЧНОГО>

Удивительную картину наблюдает пассажир электропоезда, проезжая платформу Дачное. Возле самых железнодорожных путей, окружённые покосившимися заборами, жмутся два-три деревянных домика. <...> Здесь ещё живут. Но по всему видно, что домам этим осталось стоять считанные недели. Со всех сторон их обступили большие современные жилые здания, а рядом поднимаются всё новые и новые.

Да, не узнать сегодня Дачное. <...> Пять, девять этажей... Там, где был один.

Ленинградская правда. 1965. 20 июня

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА ДАЧНОГО

Корреспондент «Вечернего Ленинграда» встретился с председателем исполкома Кировского райсовета М. М. Комоловым и попросил его ответить на ряд вопросов.

— *Что сделано и намечается сделать для улучшения торгового и бытового обслуживания жителей Дачного?*

— Сейчас в микрорайоне около 100 тысяч человек. Учитывая это, мы принимаем все меры к тому, чтобы максимально улучшить торговое и бытовое обслуживание населения. В прошлом году в Дачном было открыто несколько продуктовых магазинов, Дом мебели, магазины верхней одежды, культтоваров, цветочный и другие. <...>

Решается вопрос о строительстве в ближайшие годы Кировского колхозного рынка на Трамвайном проспекте. Разрабатывается техническая документация на сооружение междугородного автовокзала. <...>

— *Многие читатели пишут, что на автобусных линиях, связывающих Дачное с центром, всё ещё мало машин. А здесь это основной вид транспорта. <...>*

— Транспортная проблема разрешится с открытием <...> наземной линии метрополитена от Автова до Дачного. Для удобства населения в микрорайоне будет работать несколько кольцевых автобусных маршрутов. Они свяжут все кварталы со станцией метро.

— *Что можно сказать о благоустройстве Дачного?*

— Сделано уже немало. На бульваре Новаторов разбит сквер площадью 1,8 гектара. <...> Проложены дороги и тротуары на проспектах Ветеранов и Народного Ополчения.

В этом году в Дачном будет построено дорог и тротуаров общей площадью 74 тысячи квадратных метров. Завершится благоустройство проспекта Ветеранов, части улицы III Интернационала и проспекта Народного Ополчения. Начнутся работы по прокладке дорог и тротуаров на улицах Лёни Голикова и танкиста Хрустицкого. Полным ходом будут вестись озеленение и благоустройство дворовых территорий жилых кварталов.

Вечерний Ленинград. 1966. 31 января

Будущее пересечение пр. Ветеранов с ул. Лёни Голикова. 1965

Пересечение пр. Ветеранов с ул. Лёни Голикова. 2016

ПАНОРАМА ДАЧНОГО

Новое Дачное стремительно наступает на старые деревянные постройки.

Глазом не охватишь — только разве что с самолёта — всю его панораму. Здесь уже «пустили корни» десятки тысяч новосёлов. Они развели сады, украсили дворы клумбами, устроили спортивные площадки. <...>

А совсем скоро рядом с пяти- и девятиэтажными зданиями <...> поднимутся красавцы в шестнадцать этажей. На проспекте Героев их будет восемь. Они как бы скроют торцы маловыразительных «пятиэтажек». В огромных залах первых этажей к услугам людей — библиотека, гастроном, аптека, почта, ресторан. «Карманы» между домами зодчие решили оформить многолетними деревьями и низкой партерной зеленью.

Небоскрёбы Дачного будут построены по проекту архитекторов А. В. Жука, Л. Н. Тихоновой, О. Б. Фронтинского и конструктора А. П. Алексева. Их работу одобрил градостроительный совет Ленинграда. Уже в этом году будут заложены два таких дома.

Смена. 1966. 26 марта

Начало пр. Ветеранов. 1960-е

Так называемое Утиное место на речке Дачной в районе пр. Ветеранов. 1965

СТАНЦИЯ ДАЧНОЕ ПОСТРОЕНА

Вчера первый заместитель председателя исполкома Ленгорсовета Г. В. Троицкий подписал акт о приёмке в эксплуатацию участка Ленинградского метрополитена Автово — Дачное протяжённостью 1,6 километра. <...>

В 17.40 очередной состав из Автова, минуя оборотные тупики, вышел на поверхность и прибыл на станцию Дачное. Это событие строители и эксплуатационники назвали генеральной репетицией перед началом регулярной работы нового вокзала метро. Вслед за первым составом большое количество поездов Кировско-Выборгской линии по специальному графику начало курсировать до наземной платформы в Дачном: поездные бригады знакомились с новым участком трассы.

Сегодня — официальное открытие станции.

Ленинградская правда. 1966. 1 июня

ТАМ, ГДЕ БЫЛИ ОКРАИНЫ

Рассказывают, что до революции одна из захолустных, грязных улиц за Нарвской заставой называлась Счастливой. Там в жалких деревянных хибарках ютилась самая что ни на есть беднота, и свою улицу она обычно называла Несчастливой. Но Октябрь всё изменил. Не стало бедности, исчезла с лица земли и сама улица: пришли строители, они разрушили хибарки, разровняли ухабы и выбоины... А в последние пять лет неподалёку появилась новая улица, и её опять назвали: «Счастливая». И теперь она действительно счастливая...

Своё начало улица берёт в Дачном, где в годы Великой Отечественной войны проходил передний край героической обороны Ленинграда. Скоро она, нырнув под линию железной дороги, убежит в Московский район, опояшет Ленинград с юга.

Уже сейчас видны её контуры. Счастливая широка, пожалуй, вдвое шире Невского. На ней выросли огромные пятиэтажные дома, школа, детские сады, ясли, продуктовые и промтоварные магазины, аптека, столовая, домовая кухня, есть даже детское кафе. Поблизости расположился современный красавец-кинотеатр «Нарвский» на 1250 мест, телефонная станция и множество новых красивых многоэтажных домов.

Пройдёт некоторое время, и появится на улице новое, светлое завтра, по генеральному плану будут построены библиотека, баня, стадион, плавательный бассейн, кругом раскинутся бульвары, садики.

На улице Счастливой живут рабочие Нарвской заставы с прославленного Кировского завода, моряки торгового флота, портовики. Каждая семья имеет отдельную квартиру.

*П. Косяков
Вперёд. 1968. 28 сентября*

ДАЧНОЕ, ПРОСПЕКТ ГЕРОЕВ

Каким быть проспекту Героев? Над этим вопросом не перестают думать архитекторы. Формирование проспекта — важная градостроительная задача, ибо это одна из ведущих магистралей нового района и важный участок Центральной дуговой. Да и название его ко многому обязывает. Поиски архитектурного решения проспекта не оставили равнодушными десятки людей <...>. Широкие обсуждения, проведённые ленинградской организацией Союза архитекторов СССР, показали, что мнения сходятся в одном: проспект Героев должен стать одной из парадных магистралей города, выразительной, запоминающейся.

Северный фронт домов здесь уже сложился. Шесть протяжённых зданий с торговыми помещениями универсама «Нарвский» в первых этажах вытянулись между улицей Зины Портновой и проспектом Народного ополчения. <...> Зато с противоположной стороны на проспект смотрят маловыразительные торцы пятиэтажных домов. Перед ними-то, по южному фронту проспекта, и встанут восемь башенных домов «ростом» по 16 этажей <...>. Выразительные по своей пластике и сложные по конфигурации, они будут обращены окнами на все стороны горизонта. <...>

16-этажные дома кардинально изменят лицо центральной части проспекта. В ближайшие годы магистраль получит продолжение в сторону проспекта Стачек. Жилые кварталы и зона отдыха разместятся здесь на живописных берегах водоёма, который образуется от запруды речки Дачной. На пересечении с проспектом Стачек будет просторная площадь с развязкой транспорта на разных уровнях.

Проект формирования проспекта Героев создан в мастерской № 7 института Ленпроект под руководством лауреата Государственной премии архитектора Е. М. Полторацкого.

Сейчас строители начинают забивку свай под 16-этажные дома.

*З. Фёдорова
Ленинградская правда. 1972. 23 августа*

Район, где пр. Героев (Ленинский пр.) упирался в ул. Зины Портновой. 1965

Район, где пр. Героев (Ленинский пр.) упирался в ул. Зины Портновой, образуя T-образный перекрёсток

ДАЧНОЕ

Дачным называется большой жилищный массив, который возник в юго-западной части города, между Автовом и Ульянкой. Территория Дачного входит в Кировский район. Общая её площадь — более 420 гектаров. В Дачном проживает около 130 тысяч человек. Название микрорайона установилось от находившегося там бывшего посёлка Дачное. <...>

Все деревянные постройки посёлка <...> были уничтожены в годы Великой Отечественной войны. Здесь проходил передний край обороны Ленинграда.

В послевоенное время первый участок в Дачном был застроен трудящимися Кировского завода (городок Кировского завода). Позднее строительство домов в Дачном осуществлял Автовский ДСК. В настоящее время Дачное — благоустроенный микрорайон города. Он продолжает расти. Строятся новые современные жилые дома, культурно-бытовые учреждения. Озеленяются кварталы, улучшается сообщение всех видов городского транспорта.

Наименование «Дачное» полностью утратило свой прямой смысл. Оно живёт в названии части района города, напоминая о бывшем загородном посёлке Дачное.

*Е. П. Хабло
Смена. 1977. 17 апреля*

Собрал Г. Г. Мартынов

Первый дом на пр. Героев с универмагом «Нарвский» (ныне № 120 по Ленинскому пр.)

ЛЕТНИЙ САД ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

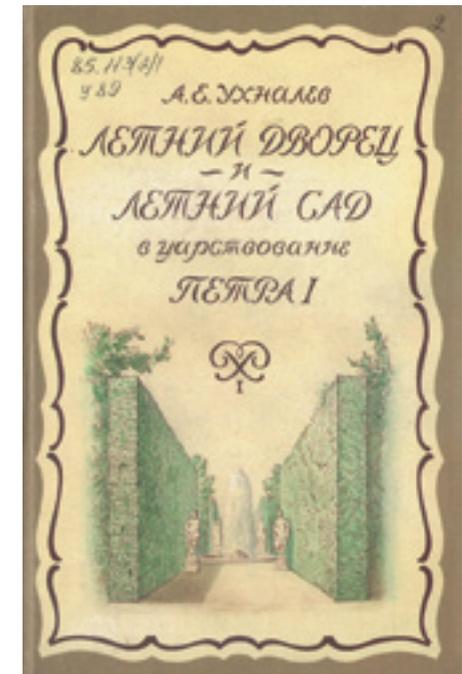
Ухналёв, Андрей Евгеньевич. Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I [Текст] / А. Е. Ухналёв; Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостр.-ва. — Санкт-Петербург: Коло, 2015. 253 [1] с., [8] л. цв. ил.: ил. — Библиогр.: с. 249–251 и в тексте примеч. 1500 экз.

Книга кандидата искусствоведения, бывшего заведующего сектором изучения историко-художественного комплекса «Летний сад — Летний дворец — Домик Петра I» в Государственном Русском музее Андрея Евгеньевича Ухналёва — его научно-исследовательский труд, результат десятилетних углублённых изысканий. Особенно важно появление этого издания (в ряду других публикаций) в связи с масштабной, хотя и достаточно спорной реставрацией Летнего сада, предпринятой в 2009–2013 гг. и предоставившей в распоряжение исследователей множество неизвестных ранее артефактов, которые требуют систематизации и объяснения.

Летний сад и Летний дворец Петра I можно рассматривать только вместе. В этом памятнике начальной эпохи градостроительной истории Санкт-Петербурга, первооснова которого уходит далеко в XVII век — период шведского владения Ингерманландией, — неизбежно присутствие множества тем. В одиннадцати главах книги А. Е. Ухналёва, посвященной наиболее знаковым, узловым моментам существования сада и дворца во времени и пространстве, на читательское обозрение представлены, как сказано в предисловии, «в основном новые материалы, известные пока только узкому кругу специалистов».

Прежде всего, Летний сад и Летний дворец неразрывно связаны со всем ар-

хитектурно-градостроительным контекстом первого этапа строительства Петербурга, до сих пор заключающего в себе немало загадок, поскольку документы первой четверти XVIII века зафиксировали его без достаточных подробностей. Основные представления о первоначальном облике нового города, складывавшегося в пределах невеликого плёса «под воздействием необычного образа поведения Петра», сформулированы в главе первой — «Летний сад на панораме петровского Петербурга».

По сути, лишь только кажется, что «мы немало знаем о ходе и обстоятельствах его строительства, но знания наши фрагментарны, и в истории петровской архитектуры продолжают зиять лакуны», — пишет А. Е. Ухналёв. Непредельность эта приводит к тому, что большинство серьёзных выводов возможно сделать лишь на основе визуального осмотра, археологических раскопок и собственного восприятия смыслов, связывающих городские объекты. За счёт соединения всего этого у современных исследователей и складывается представление о «живом образе» Петербурга петровского времени, где «переменчивая воля царя, обрывки планов, стихийные импульсы — вся совокупность разнонаправленных векторов развития города произвели структуру, в которой, несмотря на все противоречия и неправильности, усматривается система».

В основной части книги обобщены выводы, полученные в результате новых архивных и натурных изысканий, сформулированы возникшие на их основе вопросы, рассмотрены различные версии происхождения той или иной архитектурной или парковой ситуации, выдвинуты гипотезы, и обозначены вероятные пути их решения.

Постоянно менявшаяся при Петре I структура Летнего сада в целом рассмотрена в главе второй — «Сад». Заново детально проанализированы все немногие его планы и виды первого этапа существования (к сожалению, они воспроизведены с очень сильным уменьшением). С ними ещё раз сопоставлены немногочисленные современные им словесные описания. Особое внимание уделено этапам формирования профиля набережной сада со стороны Невы, неустанным усилиям царя

по созданию надёжной системы водоснабжения фонтанов, «ради которых было потрачено столько сил и средств», и, разумеется, самим этим фонтанам (остатки некоторых из них, скрытые в земле более двухсот лет, хорошо сохранились).

История фонтанной системы Летнего сада сложна, запутанна и, несмотря на масштабные исследования последних лет, по-прежнему изучена далеко не полностью. Однако содержание главы третьей — «Скульптура» — наглядно свидетельствует о том, сколь много не раскрытого и даже «таинственного» сохраняется и в этой теме, несмотря на то, что научное изучение скульптурной коллекции сада началось ещё в 1930-е гг.

Так, например, до сих пор отсутствует атрибуция статуй «Юноша» и «Женщина с гирляндой роз», первоначально не входивших в петровское собрание скульптур и попавших в сад не ранее второй половины XVIII века. «Вопреки тому пиетету, который должен внушать возраст этих статуй, трудно отделаться от желания назвать их истуканами, настолько грубы и малодожественны эти изваяния», — пишет А. Е. Ухналёв.

Одной из принципиальных проблем недавней реставрации стала почти полная замена мраморных подлинников копиями. Безусловно, иного выхода не было — в последние десятилетия разрушение старинных оригиналов настолько ускорилось, что дальнейшее их сохранение стало возможно только в закрытом помещении.

В результате «посетители сада сетуют на непривычную белизну и “пластиковый” вид копий. Следует признать: белизна и, главное, идеальная однородность материала, отсутствие нюансов цвета и фактуры снижает впечатление

от статуй. Но — что делать! — это вынужденная плата за сохранность и самосуществование подлинных произведений», — свидетельствует автор книги. Действительно, создание полноценных копий скульптурами уровня Антонио Коррадини или Пьетро Баратта потребовало бы совсем иных усилий, чем то, что ускоренно получилось из мраморной крошки, замешанной на полиэфирной смоле!

В главе четвертой — «Грот» — подробно раскрыты основные факты строительной истории ещё одной важнейшей достопримечательности первоначального Летнего сада. С той оговоркой, что почти 190 лет назад эта постройка (первая постройка подобного типа в России) превратилась в изящный ампирный павильон под названием «Кофейный домик». Последние исследования окончательно доказали, что кладка петровского времени в нём почти полностью сохранилась и до самого аттика это постройка именно Петровской эпохи.

Автор прослеживает связь павильона с аналогичными строениями того времени, этапы проектирования и возведения Грота, степень авторского участия работавших над его созданием архитекторов и мастеров, реконструирует внутреннее убранство и т. д.

Читатели получают уникальную возможность хотя бы с помощью книги побывать в обычно совершенно недоступных его местах — «узком подвальном помещении», о существовании которого в наше время догадаться невозможно, так как хода из здания туда нет, и на «чердаках», куда также не ведёт ни одна лестница.

Бульшая часть монографии А. Е. Ухналева отведена истории строительства, последовательному описанию изменений помещений Летнего дворца и

непосредственно прилегающей к нему территории. Это главы с пятой по девятую — «История строительства Летнего дворца», «Интерьеры дворца», «Подземные сооружения», «Гаванец» и «Людские покои, галерея и токарня». Предметом тщательного рассмотрения в десятой главе стала уникальная техническая конструкция — «Ветровой прибор», установленный во дворце в так называемой «Токарной» (кабинете Петра I).

Подробное исследование конструктивных элементов и особенностей устройства здания доказывает «глубокий характер перестроек, производившихся в первые годы его существования»; многое было утрачено или, наоборот, привнесено в последующие столетия. Вообще, «до настоящего времени нет ясного представления о том, как же строился дворец, в чем состояли, кем, когда и для чего производились значительные перемены в его облике».

Шаг за шагом автор книги проводит читателей по всем интерьерам нижнего и верхнего этажей дворца, обстоятельно описывая их и подробно рассуждая о смысле первоначального назначения. Заглядывает А. Е. Ухналёв и во все помещения здания, недоступные обычным посетителям. Пристальное внимание обращено на любые детали отделки, какими бы незначительными на первый взгляд они ни казались.

В отсутствие необходимых документов, которые вряд ли когда-нибудь суждено обнаружить, приходится постоянно применять логику. К примеру, об упомянутом помещении, за которым в музейном обиходе прочно закрепилось неверное наименование «Токарная», А. Е. Ухналёв пишет следующее: «Судя по всему, эта комната была рабочим кабинетом царя. В этом убеждает

её принадлежность личной половине Петра, соседство с его спальней, значительная площадь, наличие в комнате ветрового прибора. Собственно, обойдя в нижнем этаже все комнаты, кроме Столовой и Поварни, мы ни одну из них не сможем назвать кабинетом, и Токарная оказывается единственным помещением, подходящим для исполнения этой функции».

Важнейшим принципом в изложении фактов стало строгое разделение того, что сохранилось во дворце именно от петровского периода, и того, что было привнесено позднее — даже и по аналогии с другими дошедшими до нас памятниками соответствующего времени. Особенно это касается оценки результатов реставрационных работ 1960-х гг.

«Музейщики вместе с реставратором А. Э. Гессеном 60 лет назад решились на возобновление лепки на потолках Предспальной и Спальни. В отсутствие точных сведений о виде этой лепки мотивы украшений были заимствованы в потолочном лепном декоре Секретарской и Морского кабинета Монплезира. Однако в зданиях Петровской эпохи сохранились и другие образцы потолочного декора. Например, в Меншиковском дворце он имеет другой характер. Свои образцы дает Екатерининталь, Петровский зал в здании Двенадцати коллегий. Так что выбор образца для Летнего дворца представляется несколько произвольным», — констатирует А. Е. Ухналёв.

Нельзя не отметить, что в книге дарование исследователя соединяется с талантом рассказчика. Казалось бы, что интересного можно обнаружить в таком «прозаическом» устройстве, как канализационный коллектор дворца — «сводчатый кирпичный тоннель высотой около 160 см, шириной около

150 см, своды которого расположены на 55–60 см ниже уровня пола в помещениях первого этажа»? Тем более что его не показывают туристам, обыкновенно вполне удовлетворённым примитивными путеводителями с их «дежурными» фразами вроде «Здание Летнего дворца дошло до нашего времени почти без изменений».

В книге А. Е. Ухналёва наглядно показано, сколь далеки подобные утверждения от действительной ситуации. Особенно когда речь заходит о последней реставрации Летнего сада с её «архитектурно-художественными» нововведениями, которые больше напоминают целенаправленное создание своеобразной «приманки» для приезжих — тех, кто вовсе не задумывается о необходимости тщательного сохранения подлинности объектов. *«Обработка» ныне существующего сада приёмами регулярного садового строительства с масшированным внедрением новодельных «петровских затей» не даст ни художественной цельности, ни исторической достоверности», — так писал автор книги в статье «Реставрация Летнего сада в Санкт-Петербурге и судьба регулярных садов».*

«Сейчас Летний сад приведен к состоянию, когда он одинаков для всех. Раньше сад говорил на разных наречиях, каждый узнавал своё и вступал с ним в диалог. Теперь сад переучили говорить на унифицированном языке “правильного” архитектурного стиля, а по существу, на “новоязе”, придуманном авторами проекта, поскольку это — лишь вольная и во многом произвольная интерпретация того, что мы видим на старинных картинах, гравюрах и планах», — это уже из его статьи «Священная роща Петербурга (К реставрации Летнего сада)».

Оба текста «с незначительными правками и сокращениями» (впервые напечатаны в 2012 г.) составляют в книге завершающую одиннадцатую главу — *«Реставрация Летнего сада»*. Автор принял такое решение, поскольку, по его мнению, поиск новых слов «для выражения своих мыслей» после ознакомления с результатами произведённых работ уже бесполезен. Потому что любой парковое (садовое) пространство существует во времени и пространстве одновременно.

Серьёзность исследования А. Е. Ухналёва дополнительно подчеркнута подробными библиографическими примечаниями, в которых наряду с многочисленными публикациями, русскими

и иностранными, приведены отсылки к документам шести российских архивохранилищ. В целом эти примечания можно оценивать как свод основных источников по избранной теме.

Фундаментальный труд «Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I» вполне заслуживает «звания» одной из обязательных настольных книг для специалистов — историков, искусствоведов, краеведов. Несомненно, это издание будет весьма полезно и всем заинтересованным читателям, равнодушным не только к истории Санкт-Петербурга, но и к истории российской архитектуры и паркостроения в целом.

Г. М.

Белодубровский Евгений Борисович

Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. Библиограф, краевед. Автор и ведущий научно-популярной программы «Былое и думы». Член координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных и Союза писателей Санкт-Петербурга.

Волосенко Людмила Александровна

В 1976 г. окончила Псковский государственный педагогический институт (ныне университет) им. С. М. Кирова. С 1985 г. — заведующая библиотекой № 2 им. Фёдора Абрамова Невской централизованной библиотечной системы Санкт-Петербурга.

Ерофеев Алексей Дмитриевич

Журналист, краевед, собственный корреспондент «Парламентской газеты» по Петербургу и Ленинградской области. Автор многочисленных публикаций по истории города и проблемам культуры и транспорта, в том числе в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Смена», «Экономика и время». В составе авторского коллектива «Топонимической Энциклопедии Санкт-Петербурга» удостоен Анциферовской премии 2003 г. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Зонин Андрей Сергеевич

Культуролог, заслуженный работник культуры, кандидат педагогических наук, член Петербургского союза учёных, заместитель председателя Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1997 г.

Мартынов Геннадий Георгиевич

Окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат премий Ленинградской областной избирательной комиссии 2011 г. и Центральной избирательной комиссии РФ 2012 г. Победитель первого киришского открытого городского краеведческого конкурса «Наследники бестужевских традиций» в номинации «Лучшая публикация о Киришах в областной прессе» 2012 г. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Ратников Дмитрий Сергеевич

Журналист, краевед. Редактор интернет-газеты «Канонер» (бывшая «Карповка»), автор статей по истории названий Липецкой области в «Новом топонимическом журнале», постоянный автор статей «Википедии», посвященных Липецкой области и улицам Санкт-Петербурга и его пригородов.

Сизёнов Евгений Петрович

Родился и живёт в Колпине. В 1994 г. окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Работал экономистом на промышленных предприятиях. С 2003 г. — заместитель генерального директора лакокрасочного завода «Кронос СПб». Автор нескольких книг, в том числе «История Колпина» (2007, в соавторстве), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпино в стихах и песнях» (2011, в соавторстве), а также публикаций в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (рубрика «Наследие»). Автор (совместно с Р. С. Иволгой) раздела «Колпинский район» в «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Столярова Светлана Витальевна

В 1999 г. окончила исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера интересов — финно-угроведение, археология и история Ленинградской области и Северо-Запада России.

Шмелёва Татьяна Викторовна

Лингвист, доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Темой языка города занималась с начала 1980-х гг. в Красноярске, затем в Великом Новгороде. Занималась языком города со студентами, руководила дипломными работами и диссертациями. Статьи по городской ономастике опубликованы в научных журналах. Член Топонимической комиссии Великого Новгорода в 2003–2013 гг. Выступает по актуальным вопросам в новгородской прессе, на телевидении и радио.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	1
<i>Петербург: город, пригороды и окрестности</i>	
<i>Г. Г. Мартынов, Е. П. Сизёнов. Вдоль верхнего течения реки Мги</i>	2
<i>Д. С. Ратников. Садоводы-топонимисты</i>	15
<i>Россия. Города и веси</i>	
<i>Т. В. Шмелева. Имена героев войны на карте Великого Новгорода</i>	19
<i>С. В. Столярова. Финно-угорская топонимика Волго-Окского междуречья как свидетельство славяно-финских контактов в первой половине II тысячелетия</i>	26
<i>Топонимия Великой Победы</i>	
<i>А. С. Ерофеев, А. С. Зонин. Имена ленинградских подводников</i>	36
<i>In memoriam</i>	
<i>Е. Б. Белодубровский. Поедем в Царское Село!..</i>	41
<i>Л. А. Волосенко. Фёдор Абрамов: притяжение имени</i>	46
<i>Архив топонимиста</i>	
<i>Новые кварталы Дачного на страницах ленинградских газет 1960–1970-х гг.</i>	51
<i>Книжный компас</i>	
<i>Летний сад петровской эпохи</i>	57
<i>Сведения об авторах</i>	62

Издание подготовлено СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»
при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 8
Тел./факс: +7 (812) 570-40-45
Email: toponim@spbicp.ru. Сайт: www.spbicp.ru

Состав редколлегии: Басов С. А., Зонин А. С., Кизилова И. Н., Хацкевич Е. П.

Главный редактор: Скрелин П. А.

Ответственные редакторы:

Владимирóвич А. Г., Мартынов Г. Г.

Дизайн, верстка: Тропин А. Ю.

Оригинал-макет и печать: «Профи-Центр»

© Институт культурных программ

Полное или частичное воспроизведение издания запрещено
без письменного разрешения СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»